

ОДИССЕЙ

человек в истории

Самозванчество как
социокультурный феномен

В этом номере:

Из истории
средневекового портрета

История эмоций

История образования

2024 №1-2

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Fraudsters, Impostors and
Imposture as a Sociocultural
Phenomenon*

2024

Moscow
IWH RAS
2024

ОДИССЕЙ

Человек в истории

*Мошенники, самозванцы
и самозванчество как
социокультурный феномен*

2024

Москва
ИВИ РАН
2024

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

*Издание основано в 1989 году
А.Я. Гуревичем*

Редакционная коллегия:

А.О. ЧУБАРЬЯН (гл. ред.), Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. гл. ред.),
Н.А. БОЛДЫРЕВА, А.Б. ГЕРШТЕЙН (отв. ред.; отв. секретарь),
О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. гл. ред.), О.В. ОКУНЕВА,
М.Ю. ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ

Редакционный совет:

В. ВЖОЗЕК, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, А.А. ПАНЧЕНКО,
Л.П. РЕПИНА, Ж.-К. ШМИТТ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ,
М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук Б.Н. МОРОЗОВ
кандидат исторических наук М.А. ВЕДЕШКИН

О-42 **Одиссей. Человек в истории** / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: Наука, 1989–.

ISSN 1607-6184

2024. №№1-2 (32-33): Мошенники, самозванцы и самозванчество как социокультурный феномен / [гл. ред. А.О. Чубарьян; отв. ред. А.Б. Герштейн]. – М.: ИВИ РАН, 2024. №№1-2 (32-33). – 433 с.

В двудесятом номере за 2024 год представлены тексты о мошенниках и самозванцах, встречавшихся всюду, от России до Бразилии. Авторы уделяют пристальное внимание социокультурным аспектам этого феномена при реконструкции коммуникаций и актуализируемых повседневных практик в общении самозванцев с различными социальными группами.

Изучению визуальной культуры Средневековья посвящена статья Д. Олариу, в которой посмертные портреты рассматриваются в контексте коммеморативных практик. В номере также представлены статьи по истории Скандинавистики, истории образования, социальной истории и истории эмоций. Раздел рецензий знакомит читателя с сюжетом крестоносного цикла о Рыцаре Лебеда и с новым переводом на русский язык датских хроник.

Для специалистов гуманитарных наук и широкого круга читателей.

© Коллектив авторов, 2024

© Герштейн А.Б., отв. ред. выпуска, 2024

© Институт всеобщей истории РАН, 2024

ИСТОРИЯ РОССИИ: QUO VADIS?

И.М. Супоницкая

ЭВОЛЮЦИЯ РАЗОЧАРОВАНИЯ. РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. ГЛАЗАМИ ДВУХ ЭМИГРАНТОК

DOI: 10.32608/1607-6184-2024-32-33-1-2-13

Аннотация: воспоминания двух российских эмигранток, анархистки Эммы Гольдман и социалистки Анжелики Балабановой, недавно изданные в России, рисуют картину становления власти большевиков после октябрьского переворота, открывая малоизвестные моменты революции 1917 г. Гольдман, депортированная из США, показала роль анархистов в революционной России, представлявших не хаотичную силу, но социалистическое движение, которое предлагало вместо диктатуры пролетариата иной путь революции – развитие самоуправления, к чему призывали М. Бакунин и П. Кропоткин. Анархисты, как и другие оппоненты большевиков, были уничтожены.

А. Балабанова, член Итальянской социалистической партии и РКП(б), секретарь Исполкома Коминтерна, сосредоточила внимание на методах партийной работы большевиков, их влиянии на международное социалистическое движение. Приехав в Россию, чтобы содействовать рождению республики рабочих и крестьян, Гольдман и Балабанова вскоре вынуждены были покинуть ее, разочаровавшись в политике советского государства.

Ключевые слова: революция, анархизм, большевики, диктатура, разочарование.

«В ночь на 21 декабря 1919 года вместе с двумястами сорока восемью другими политическими заключенными я была депортирована из Америки. Хотя всем было известно, что нас ждет депортация, мало кто действительно верил, что Соединенные Штаты будут полностью отрицать свое прошлое как убежище для политических беженцев, некоторые из которых жили и работали в Америке более тридцати лет. ...Под усиленным военным конвоем мы поднялись на борт “*Бьюфорда*”. Двадцать восемь дней мы были заключенными. Часовые у дверей нашей каюты днем и ночью, ча-

совые на палубе в те часы, когда нам ежедневно позволяли дышать свежим воздухом. ...Но настроение у нас было приподнятое – перед нами была Россия, свободная, новая Россия»¹.

Так известная анархистка Эмма Гольдман описала свою депортацию в советскую республику. Ее воспоминания о двухлетнем пребывании в Стране Советов, которые до сих пор не переведены на русский язык, вместе с недавно опубликованной по-русски автобиографией, а также мемуарами другой эмигрантки, Анжелики Балабановой, позволяют иначе взглянуть на возникновение большевистского режима, разрушая привычные представления².

Хотя Балабанова была социалисткой, а Гольдман – анархисткой, у них много общего. Обе в конце XIX в. порвали с ортодоксальными еврейскими семьями, уехав на Запад за свободой и образованием, недоступными женщинам в России. Они отличались сильным независимым характером, обостренным чувством справедливости и никогда не отступали от своих принципов. Обе посвятили жизнь борьбе за создание нового общества – социализма на своей родине и в других странах; не признавали частной собственности, помогали нуждающимся. У каждой было много встреч с известными политиками и литераторами: у Балабановой – с А. Бебелем, Р. Люксембург, К. Либкнехтом, Б. Муссолини, В. Лениным; у Гольдман – с И. Мостом, П. Кропоткиным, Дж. Лондоном, Ю. Дебсом, Дж. Ридом. Балабанова и Гольдман познакомились в большевистской России в 1920 г. и беспристрастно описали советский режим, посвятив ему значительную часть воспоминаний (Гольдман прожила в России два года, Балабанова – четыре). Вернувшись на родину с желанием помочь ее возрождению, они постепенно превратились в непримиримых врагов советской власти и навсегда покинули страну.

Эмма Гольдман (1869–1940) родилась в Ковно (ныне Каунас), отец стремился выдать ее замуж в пятнадцать лет и был против ее образования; швырнув однажды учебник французской грамматики в огонь, заявил, что еврейская дочка «должна знать, ... как пригото-

¹ *Goldman E. My Disillusionment in Russia. L., 1925. P. 1–2.*

² *Goldman E. My Disillusionment in Russia. L., 1925; Гольдман Э. Проживая свою жизнь. Ч. 1–3. М., 2015–2018; Балабанова А. Моя жизнь – борьба. Мемуары русской социалистки, 1897–1938. М., 2007.*

вить фаршированную рыбу... и как нарочать мужчине побольше детей»³. Она рано начала работать, в 16 лет решила вместе с сестрой эмигрировать в Америку, пригрозив покончить с собой, если отец не отпустит. Но и там, в Рочестере, жила тяжело, трудясь на швейной фабрике 10,5 часов в день за два доллара пятьдесят центов в неделю, чего не хватало даже на пропитание. Одно из ее первых сильных впечатлений в Новом Свете – трагические события в Чикаго в мае 1886 г. Когда 1 мая рабочие объявили забастовку с требованием восьмичасового рабочего дня, полицейские открыли огонь, убив и ранив несколько человек. На митинге памяти жертв 4 мая на площади Хеймаркет (Сенной рынок) кто-то бросил в полицейских бомбу, от взрыва и беспорядочной стрельбы полиции погибли свыше десяти полицейских и рабочих, многие получили ранения.

Хотя виновных не установили, власти обвинили анархистов, пятерых из них приговорили к смертной казни (11 ноября 1887 г. четверых повесили, пятый перед этим покончил самоубийством). В 1893 г. губернатор Иллинойса признал их невиновными. Второй Интернационал в 1889 г. объявил 1 мая Международным днем трудящихся. Эмма ходила на все митинги, читала газеты о «чикагской бойне», ставшей «переломным событием» в ее жизни – она «ознаменовала рождение моей гражданской позиции»⁴. Гольдман стала анархисткой.

В Нью-Йорке познакомилась с Александром Беркманом, племянником известного народника и революционера М.А. Натансона. Они, полюбив друг друга, на всю жизнь остались единомышленниками и друзьями; вместе посещали лекции немецкого иммигранта Иоганна Моста, бывшего члена Социал-демократической партии Германии, депутата рейхстага. Мост, разочаровавшись в парламентской деятельности, не приносившей реальных результатов, предпочел анархизм. В Америке он не раз попадал в тюрьму, но, выйдя на свободу, продолжал разъезжать с лекциями по стране, привлекал пламенными речами сторонников; среди них оказались Гольдман и Беркман. И. Мост агитировал перейти от парламентских разговоров к активной борьбе за изменение капиталистического общества – «пропаганде действием», вплоть до насилия, чтобы

³ Гольдман Э. Проживая свою жизнь. М., 2015. Ч. 1. С. 19.

⁴ Гольдман Э. Проживая свою жизнь. М., 2018. Ч. 3. С. 37.

побудить рабочих к революции. Последовав его призыву, Александр решил убить управляющего сталелитейной компании Э. Карнеги Генри Фрика, который в конфликте с забастовщиками в Гомстед в Пенсильвании нанял частный вооруженный отряд Пинкертона; в результате столкновения погибли рабочие. Но Беркман лишь ранил Фрика, и был приговорен к 22 годам тюрьмы, отсидев 14 лет.

В Америке Э. Гольдман занялась самообразованием, читала социалистическую литературу, которой снабжал учеников И. Мост. На взгляды российских иммигрантов повлияли также идеи М. Бакунина, П. Кропоткина, народолюбцев. Они восторгались Софьей Перовской, «новыми людьми» из романа Н. Чернышевского «Что делать?». Заметив у Эммы ораторский талант, Мост подготовил ее к публичным выступлениям. И хотя Гольдман высоко ценила ум и образование своего учителя, их пути вскоре разошлись. Мост не поддержал поступок Беркмана, пренебрежительно отозвавшись о нем. Разъяренная Эмма однажды во время выступления отхлестала его нагайкой, ведь он сам призывал к подобным акциям.

Гольдман действительно превратилась в пламенного оратора, проповедуя в пуританской Америке атеизм, стала противницей государства, частной собственности, института брака. Анархизм, утверждала она, —

«философия нового общественного строя, основанного на свободе, не ограниченной никакими человеческими законами: согласно этой теории, все формы правления основываются на насилии и поэтому ложны, вредны и не нужны»⁵.

Анархизм

«выступает за освобождение человеческого ума от владычества религии, за освобождение человеческого тела от владычества собственности, за освобождение от оков и стеснений правительства, ...за порядок, основанный на свободной ассоциации людей в целях производства истинного общественного богатства, за порядок, гарантирующий каждому человеку свобод-

⁵ Гольдман Э. Что такое анархизм // Гольдман Э. Анархизм. М., 1920. С. 43-44.

ный доступ к земле и полное пользование всеми необходимыми для жизни вещами, сообразно личным желаниям, вкусам и наклонностям»⁶.

Она много ездила по Соединенным Штатам и странам Европы с лекциями, посвященным различным темам, – анархизму, патриотизму, государству, свободе и правам человека, эмансипации женщин, положению политических заключённых. Во время экономического кризиса 1893 г. на массовом митинге на Юнион-Сквер в Нью-Йорке она обратилась к безработным:

«Мужчины и женщины! Вы понимаете, что Государство – ваш злейший враг? Это машина, которая калечит вас, чтобы закрепить власть хозяев. ...Государство – опора капитализма, и смешно ожидать от него возмещение ущерба. ...Выходите к дворцам богачей и требуйте работы. Если они не дадут вам работы, – требуйте хлеба. Если они откажут вам и здесь – заберите хлеб. Это ваше священное право!»⁷.

Гольдман была арестована и осуждена на год тюрьмы по обвинению в подстрекательстве к беспорядкам. На суде заявила, что «не ожидала справедливого приговора от капиталистического суда. Суд может сотворить со мной самое худшее, но мои убеждения он изменить бессилён»⁸. Она получила известность как «красная Эмма» и самая опасная анархистка Америки; автор нескольких книг и мемуаров, Гольдман издавала радикальный журнал «Мать Земля».

Однажды после лекции об анархизме к ней подошел молодой человек и попросил посоветовать книги на эту тему. Это был польский иммигрант Леон Чолгош, о котором вскоре узнал весь мир: 6 сентября 1901 г. он стрелял в президента США Уильяма Мак-Кинли. Гольдман арестовали по подозрению в пособничестве в убийстве, хотя она больше не видела Чолгоша, и вскоре из-за отсутствия доказательств была отпущена. При Т. Рузвельте против анархистов был принят закон, Эмма превратилась в изгоя общества, не могла снять жилье,

⁶ Там же. С. 54.

⁷ Гольдман Э. Проживая свою жизнь. М., 2015. Ч. 1. С. 151–152.

⁸ Там же. С. 162.

устроиться на работу. В 1917 г. ее и Беркмана приговорили к двум годам тюрьмы за антивоенную пропаганду. Эдгар Доктороу, му жизни Америки начала XX в., вывел среди своих героев Гольдман, всегда готовую к очередному аресту. В мемуарах она призналась: уходя на митинг, брала с собой книгу, чтобы было чем заняться в тюрьме⁹.

Во время первой волны антикоммунизма – «красной угрозы», вызванной революцией в России, правительство Соединенных Штатов, опасаясь ее влияния, в декабре 1919 г. депортировало в советскую республику коммунистов и анархистов на корабле «Бьюфорд» (Vuford), названном «Красным ковчегом», среди них были Эмма Гольдман и Александр Беркман. Их лишили американского гражданства, но Гольдман не подала апелляцию, объяснив: «Меня манила советская Россия»¹⁰. Так после тридцатилетнего проживания в США они вновь оказались на родине.

Анжелика Балабанова (девичья фамилия Ройзман, 1877–1965) возвратилась в Россию, узнав о февральской революции 1917 г. К этому времени она была известным деятелем международного социалистического движения, членом ЦК Итальянской социалистической партии, редактором газеты «Аванти!» («Вперед!»). В отличие от Гольдман, Анжелика родилась в состоятельной еврейской семье Чернигова, не знала бедности и нужды. Мать, властная женщина, готова дочь к замужеству, дала ей домашнее воспитание, необходимое для светской дамы (хорошие манеры, языки, музыка, танцы). Но Балабанова вспоминала о детских годах как о времени «бунта – бунта против матери, гувернанток, условностей и ограничений...»¹¹. Чтобы избавиться от опеки деспотичной матери, она настояла на учебе в школе, где у нее обнаружили «поразительные лингвистические способности», которые позже ей пригодились.

После школы, несмотря на скандалы и проклятия матери, Анжелика окончательно порвала с семьей и в 1897 г. уехала учиться в либеральный Новый университет в Брюсселе, где читали лекции известные ученые, в том числе М. Ковалевский. Она отказалась от своей доли в наследстве, договорившись со старшим братом, что

⁹ Там же. С. 232.

¹⁰ *Goldman E.* My Disillusionment in Russia. P. 2.

¹¹ *Балабанова А.* Указ. соч. С. 10.

тот будет высылать небольшие деньги на скромную жизнь. «Передо мной, – писала она, – лежало осуществление всех моих девичьих грез: университет, знания, свобода, возможность придать какой-то смысл моей жизни»¹².

Получив степень доктора философии и литературы, Балабанова отправилась в Германию изучать экономику, затем в Италию, где увлеклась социалистическими идеями, марксизмом, слушала лекции философа А. Лабриолы. В 1900 г. она вступила в Итальянскую социалистическую партию, работала пропагандистом среди итальянских эмигрантов в Швейцарии, превратившись в одного из самых популярных лекторов, чему способствовало знание пяти иностранных языков. На 9 конгресс Второго Интернационала в Базеле в 1912 г. итальянская социалистическая партия делегировала двоих, в том числе Анжелику. Ей пришлось переводить речь своего товарища по очереди на французский, немецкий и английский языки, все слушатели, включая представителей прессы и гостей, встали со своих мест и зааплодировали. Только когда присутствовавший при этом Август Бебель, один из основателей Социал-демократической партии Германии и Второго Интернационала, вышел вперед и обнял ее, она поняла, что аплодисменты предназначались ей. «Товарищ Балабанова, – сказал он, – слушая вас, я чувствовал, что слышу и вижу живое воплощение интернационала»¹³.

Однажды на митинге после своего выступления она заметила плохо одетого молодого человека, как оказалось, безработного, бездомного и голодного; он был малообразован, хотя раньше работал учителем начальной школы в Романье. Анжелика прониклась к нему сочувствием, познакомила с марксизмом, социалистической литературой, поддержала в партийной работе, о чем позднее пожалела. Это был Бенито Муссолини.

«Едва ли я могла себе представить в тот вечер, что начинаю общение, которое десять лет спустя приведет к таким горьким последствиям, что отчасти благодаря моей помощи и сочувствию жалкий бродяга после того собрания в Лозанне встанет во главе движения, которому я отдала свою жизнь, и что он окажется

¹² Там же. С. 8.

¹³ Там же. С. 95.

виновным в самом позорном предательстве нашего времени. Но никто не мог бы увидеть в этом смущенном, нервном двадцатилетнем юнце человека, который правит Италией сегодня»¹⁴.

Позднее она разорвала с Муссолини все отношения и голосовала за его исключение из партии.

О революции в России давно мечтали, ее ждали. Из кружка народников, организованного Марком Натансоном и Николаем Чайковским, «дедушкой русской революции», вышли Петр Кропоткин, Софья Перовская, Екатерина Брешко-Брешковская. Они верили в неизбежность изменений и готовы были отдать за них жизнь. После неудачи «хождения в народ» часть народников перешла к террору, но и он тоже оказался безрезультатным. За убийство императора Александра II пятеро народовольцев, в том числе Андрей Желябов, тридцати лет, Софья Перовская, двадцати семи лет, были повешены. «Мы затеяли большое дело, – сказала однажды Перовская Кропоткину. – Быть может, двум поколениям придется лечь на нём, но сделать его надо»¹⁵. Перед казнью она писала матери, успокаивая ее:

«Я о своей участи нисколько не горюю, совершенно спокойно встречаю ее, так как давно знала и ожидала, что рано или поздно, а так будет. И право же, милая моя мамуля, она вовсе не такая мрачная. Я жила так, как подсказывали мне мои убеждения; поступать же против них я была не в состоянии; поэтому со спокойной совестью ожидаю все, предстоящее мне»¹⁶.

Вера Фигнер в сентябре 1884 г. заявила на суде, приговорившем ее к смертной казни:

¹⁴ Там же. С. 52–53.

¹⁵ Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1988. С. 300.

¹⁶ Перовская С.Л. Письмо к матери, 22 марта 1881 [Электронный ресурс]. URL: <http://narovol.narod.ru/Person/perovsk.htm> (дата обращения – 10.04.2024).

«Я часто думала, могла ли моя жизнь ...кончиться чем-либо иным, кроме скамьи подсудимых? И каждый раз отвечала себе: нет!»¹⁷.

Смертный приговор был заменен бессрочной каторгой.

Американского путешественника Джорджа Кеннана, отправившегося в 1885–1886 гг. в Сибирь, чтобы выяснить, почему русские нигилисты бросили бомбу в царя-освободителя Александра II, поразила «неколебимым мужеством» Екатерина Брешко-Брешковская:

«Господин Кеннан, мы можем умереть в ссылке, и наши дети могут умереть в ссылке, и дети наших детей могут умереть в ссылке, но к чему-нибудь это приведет в конце концов»¹⁸.

Осознанно шел на смерть 27-летний Иван Каляев, убивший в 1905 г. московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича:

«Я отдал всего себя делу борьбы за свободу рабочего народа, с моей стороны не может быть и намек на какую-либо уступку самодержавию, и если в результате всех стремлений моей жизни я оказался достоин высоты общечеловеческого протеста против насилия, то пусть и смерть моя венчает мое дело чистотой идеи. Умереть за убеждения – значит звать на борьбу, и каких бы жертв ни стоила ликвидация самодержавия, я твердо уверен, что наше поколение кончит с ним навсегда... Это будет великим торжеством социализма, когда перед русским народом откроется простор новой жизни, как и перед всеми, кто испытывает вековой гнет царского насилия»¹⁹.

¹⁷ *Фигнер В.Н.* Последнее слово, 1884 // Процесс 14-ти [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1800dok/1884fig14.html> (дата обращения – 10.03.2024).

¹⁸ *Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886). 2 тт. СПб, 1999. Т. 2. С. 90.

¹⁹ *Савинков Б.* Воспоминания террориста // *Савинков Б.* Избранное. М., 1990. С. 100.

Таким же был взгляд немецкого социалиста Августа Бебеля:

«И если в ходе этой великой битвы за освобождение рода человеческого нам суждено пасть, то те, кто сейчас находится в задних рядах, шагнут вперед; и мы падём с сознанием своего выполненного долга и с убеждением, что цель будет достигнута, как бы ни боролись или ни сопротивлялись силы, враждебные гуманизму. Мир наш, несмотря ни на что».

Эти слова Балабанова, высоко ценившая Бебеля, взяла эпиграфом к книге «Моя жизнь – борьба»:

«Ни один человек в довоенном революционном и рабочем движении, – писала она, – никогда не достигал такого авторитета, как Бебель, и никто не был так любим рабочими во всем мире»²⁰.

Она и сама думала так же:

«Я горжусь тем, что жила и работала вместе с мастерами, создававшими новый общественный порядок. Многие из них сейчас мертвы или потерпели поражение, находясь в изгнании или в своих собственных странах. Но их место займет новое поколение, чтобы на фундаменте, который мы заложили, строить более мудро и более успешно»²¹.

Противники самодержавия придерживались разных взглядов (народники, марксисты, социалисты, анархисты) и разных методов борьбы (терроризм, парламентская деятельность, социальная революция), но все хотели одного – свержения царистского режима в России. Тогда появились профессиональные революционеры, бросившие ради своей главной цели учебу, престижную работу (Н. Чайковский, М.А. Натансон, В. Волин); одни сидели в тюрьмах, получая туберкулез, рано умирали; другие скрывались от преследований, за границей возникли колонии российских эмигрантов. Некоторые включились в международное социалистическое движение, как Э. Гольдман, А. Беркман, И. Гурвич в США, В. Серж

²⁰ Балабанова А. Указ. соч. С. 91.

²¹ Там же. С. 335.

(псевдоним В. Кибальчича), В. Волин во Франции, А. Балабанова в Италии; М. Бакунин и П. Кропоткин стали фигурами мирового масштаба.

Эмигранты следили за событиями в России, способствуя развитию революционного движения, подобно народнику Феликсу Волховскому, с юности прошедшему через тюрьмы и сосланному в Сибирь, где в Томске познакомился с Джорджем Кеннаном (позднее написал предисловие к книге американца «Сибирь и ссылка»). Волховский в 1889 г. бежал из Сибири, жил в Лондоне, редактировал журнал «Free Russia», а после гибели друга по «хождению в народ», С.М. Степняка-Кравчинского (тот шел к нему в гости и попал под поезд), руководил всеми изданиями Фонда вольной русской прессы. Вместе с Н. Чайковским Волховский участвовал в тайной отправке оружия в 1905 г. на пароходе «Джон Графтон» для организации восстания в Москве и Петербурге. Вернувшись в Россию во время революции 1905 г., Ф. Волховский вел агитацию среди солдат. Тогда же из Америки приехали другие эмигранты, в том числе социалист И. Гурвич, известный экономист и публицист; бывший земец П.А. Тверской (псевдоним П.А. Дементьева) с намерением баллотироваться в Государственную Думу. В опубликованной программе Тверской ратовал за усиление местного самоуправления, развитие народного образования. Начавшаяся реакция заставила их снова покинуть страну.

Революции в России долго ждали две женщины, Эмма Гольдман и Анжелика Балабанова.

«Всю жизнь маяком для меня была героическая борьба России за свободу, – вспоминала Эмма Гольдман. – Революционное рвение замученных мужчин и женщин, которое не могли подавить ни крепость, ни *каторга*, вдохновляло меня в самые темные часы. Когда весть о Февральской революции пронеслась по всему миру, мне захотелось поспешить в страну, сотворившую чудо и освободившую свой народ от векового ига царизма»²².

²² Goldman E. My Disillusionment in Russia. P. 2. (курсив автора).

Однако октябрьский переворот приняли не все эмигранты. «Я всегда знала, что большевики – марксисты, – писала Гольдман. – В течение тридцати лет я боролась с марксистской теорией как с холодной, механистической, порабащивающей формулой»²³. И все же с началом интервенции в России она выступила в защиту русской революции, оправдывая большевиков, в которых видела «воплощение практического духа революции, несмотря на их теоретический марксизм». Узнав в тюрьме о посещении США в 1918 г. Брешко-Брешковской и ее кампании против большевиков, Гольдман в письме призывала «маленькую бабушку русской революции», как называла ее (в 1904 г. она в Америке помогала Брешковской собирать деньги на революцию), «не предавать то дело, которому она посвятила всю свою жизнь»²⁴. Эмма полагала, что большевики действовали в интересах народа.

«Я приехала в Россию, охваченная надеждой найти возрожденную страну, с ее людьми, полностью посвятившими себя великой, хотя и очень трудной, задаче революционного преобразования. И я пылко надеялась, что смогу принять активное участие в этой вдохновляющей работе»²⁵.

Как и многие на Западе, Гольдман видела в Советской России «землю обетованную» («promised land»), первую в мире республику рабочих и крестьян. Американские журналисты Альберт Р. Уильямс и Джон Рид, оказавшиеся во время октябрьского переворота в России, приветствовали его. Рид восторженно рассказал об увиденных событиях в книге «Десять дней, которые потрясли мир». Большевицкий переворот вначале воспринимался как продолжение «великой русской революции». Но вскоре появились сомнения. Разгон Учредительного собрания, где преобладали эсеры, а не большевики; разгул насилия новой власти и жестокость действий ВЧК, нетерпимость к любой оппозиции, чьи представители (эсеры, меньшевики, анархисты) оказались в тюрьмах, как при царизме, или перешли на нелегальное положение, подобно лидеру левых эсеров, поддержавших большевиков, М. Спиридоновой, – все это

²³ Ibid. P. XIV.

²⁴ Ibid. P. XV.

²⁵ Ibid. P. XI.

заставило Е. Брешко-Брешковскую, И. Гурвича и др. вновь эмигрировать, поскольку они не приняли режима большевиков. Налеты на анархистов с 1918 г. вынудили Кропоткина перебраться в г. Дмитров, подальше от центральной власти. Ему, как и писателю В.Г. Короленко, с которым на Украине встречалась Гольдман, приходилось тратить много сил и времени, спасая людей от ВЧК и расстрела.

«Тревожные мысли», по словам Эммы, начали одолевать её, она постоянно натыкалась на противоречия и мучительно пыталась развеять свои сомнения, обращаясь в поисках ответа к разным людям: Г. Зиновьеву, М. Горькому, А. Коллонтай, А. Луначарскому. «Подобно лучу света в темное царство», к ней в комнату ворвался Джон Рид – «всё тот же прежний, жизнерадостный, жаждущий приключений Джек», (так называли его американцы), которого Эмма знала еще в Америке. Рид «настаивал на том, что темные стороны большевистского режима неизбежны. Он горячо верил, что Советское правительство выйдет из своих узких партийных линий и вскоре создаст коммунистическое содружество»²⁶. Однажды он сказал Гольдман: «Я выучил одно сильное и выразительное русское слово «расстрелять!»».

«Перестань, Джек! – воскликнула Эмма. – Это слово звучит ужасно и из русских уст, а от твоего американского акцента у меня просто кровь стынет в жилах. С каких это пор массовые казни стали единственным революционным методом? ...Наверное, я сошла с ума, – продолжала Эмма, – или же не понимаю смысла революции. Естественно, я никогда не думала, что ей могут быть безразличны жизнь и страдания человека, и у нее не будет иных методов, кроме массовых убийств. Пятьсот жизней, отнятых буквально за день до отмены смертной казни, ты называешь оплошностью, я же считаю это подлым и трусливым преступлением, худшим из произвола, совершенного именем революции»²⁷.

Гольдман спросила у председателя Петроградского совета Г. Зиновьева, почему город замерзает, когда около Петрограда пол-

²⁶ Ibid. P. 11.

²⁷ Гольдман Э. Проживая свою жизнь. Ч. 3. С. 123–124.

но леса? «Да, топлива хватает, – отвечал он, – но что толку? Мы в осаде; людей нет, тяги нет, откуда же взяться лесу в городе?» «А жители? – не унималась я. – Разве нельзя обратиться к ним с призывом взять топоры и веревки и привезти дрова – самим же себе? И разве это не сплотит людей и не настроит их за вас?» «Это облегчит их страдания, – отвечал Зиновьев, – но отвлечет от первоочередных задач». «В чем же они состоят?» – спросила Эмма. «В том, чтобы сосредоточить всю власть в руках передового пролетариата и авангарда революции, – объяснил Зиновьев, – то есть Коммунистической партии». «Дорогой ценой достанется вам эта власть», – заметила она. «Увы, это так, – кивнул он, – но единственная действенная сила в революционную эпоху – это диктатура пролетариата. Анархия и самостоятельность местных советов, пропагандируемые вашими вождями, возможно, принесут пользу в будущем, но не здесь и не сейчас, не в России, которую Деникины и Колчаки спят и видят, как бы раздавить и уничтожить всю страну! А ваши соратники пекутся о судьбе одного-единственного города». Эмма удивилась: «То, что в полуторамиллионном Петрограде население уменьшилось до четырехсот тысяч человек, было, по мнению коммунистов, пустяком... Я вышла от этого человека, убежденного в непререкаемой мудрости партии, нашедшего теплое местечко в созвездии марксистских небожителей и считающего себя одним из его главных светил, в полном отчаянии»²⁸.

На вопросы Эммы Горький в личной беседе ответил:

«Вы опытная революционерка, а посему должны знать, что революция – дело мрачное и безжалостное. Бедная Россия отстала и неразвита, а ее жители, веками пребывавшие во тьме невежества, – самый грубый и ленивый народ в мире. ...Революция разбила представления о крестьянине как о наивном добряке, показав, что он может быть жесток, скуп, ленив и необуздан в своей садистской радости; ...Однако всё это следствия, а не главная причина, корни которой уходят в грубость и отсталость русского народа, ...в России нет культурных традиций и общих ценностей, нет уважения к человеческим правам и к самой жизни, и это

²⁸ Там же. С. 121–122.

невозможно изменить ничем, кроме как принуждением и силой, к которым веками привыкали русские люди».

«От этих ужасных слов в адрес всего русского, – призналась Гольдман, – у меня перехватило дыхание»²⁹.

Ответы на беспокоившие ее вопросы Эмма получила на встрече с петроградскими анархистами, узнав другой взгляд на русскую революцию и большевистский режим. Приглашенная на их конференцию, она удивилась, что ее единомышленники собирались тайком в темном укромном месте. Там ей рассказали «о предательстве революции большевиками. Рабочие балтийских заводов говорили о своем порабощении, кронштадтские матросы выражали свою озлобленность и негодование на людей, которым они помогли прийти к власти и которые стали их хозяевами»³⁰. Сообщили о цензуре, красном терроре и репрессиях, о переполненных тюрьмах, насилии над рабочими и крестьянами. Она не хотела верить, возразив: «Разве насилие не было неизбежно в революции и не было навязано большевикам интервентами?» Ей с возмущением ответили: «Переоденься, чтобы большевики тебя не узнали; возьми брошюру Кропоткина и попробуй распространить ее на советском собрании. Скоро увидишь, правду ли мы тебе сказали»³¹. Большевик Зорин, засмеявшись на рассказ Эммы, парировал: «Свобода слова – буржуазное суеверие. В революционный период не может быть свободы слова»³².

«Пламенную бунтарку», как она себя назвала, больше всего поразили «царившая всюду несправедливость», неравенство в распределении продуктов. «Существовало тридцать четыре вида пайков, и это при декларируемом коммунизме!» Самый лучший – в столовой Смольного для членов партии; пайки жильцам Первого Дома Советов (гостиница «Астория»), где жил Рид, были намного лучше, чем пайки рабочих на фабриках. Для коммунистов существовала особая больница со всеми современными удобствами, а остальные медицинские учреждения не имели даже самого необходимого. Это неравенство остро чувствовали простые люди. Слуги, работавшие в «Астории», хотя их называли товарищами, негодова-

²⁹ Там же. С. 126–127.

³⁰ Goldman E. My Disillusionment in Russia. P. 12.

³¹ Ibid. P. 13.

³² Ibid. P. 14.

ли: «Для того ли мы сделали революцию..., чтобы покончить с господами? Зиновьев не больше нас, и на большее он не имеет права»³³.

То же услышала Гольдман в Москве из разговоров с людьми на улице. Эмма заключила, что «силы, приведшие к русской революции, остались для этих простых людей *terra incognita*, но сама революция глубоко проникла в их души. Они ничего не знали о теориях, но верили, что ненавистного *барина* (хозяина) больше не будет, и теперь *барин* снова был перед ними.

«У *барина* есть все, – говорили они, – белый хлеб, платье, даже шоколад, а у нас ничего нет. Коммунизм, равенство, свобода, – издевались они, – ложь и обман»³⁴.

Первое впечатление от Москвы – большое количество военных и множество мужчин в кожаной одежде с оружием. В Петрограде о ЧК говорили со страхом и ненавистью, но там чекисты не бросались в глаза. В Москве, казалось, они были везде.

«Москва – военный лагерь, – объяснил Рид. – Везде шпионы, бюрократия самодержавная. Я всегда чувствую облегчение, когда выезжаю из Москвы. ... Петроград – город пролетарский и пронизан духом Революции. Москва всегда была иерархической»³⁵.

Перед отъездом Гольдман в Москву Рид посоветовал ей обратиться за помощью к Анжелике Балабановой, которая неохотно согласилась, зная европейских анархистов, большинство из них казались ей утопистами, не умеющими оценить объективные условия. Но Рид высоко отозвался о мужестве Гольдман и Беркмана, дав Балабановой почитать брошюру с их речами в судах, где они объясняли свою антивоенную позицию.

«Я нашла Балабанову, – пишет Эмма, – в маленькой унылой комнате, лежащей, свернувшись калачиком, на диване. Она не располагала к себе, если не счи-

³³ Гольдман Э. Проживая свою жизнь. Ч. 3. С. 113; Goldman E. My Disillusionment in Russia. P. 15–16.

³⁴ Goldman E. My Disillusionment in Russia. P. 24. (курсив автора).

³⁵ Ibid. P. 22.

тать ее глаз, больших и светящихся, излучающих сочувствие и доброту. Она приняла меня весьма любезно, как старого друга, и тотчас же заказала неизбежный самовар. За чаем мы говорили об Америке, о рабочем движении там, о нашей депортации и, наконец, о России»³⁶.

Внезапно Эмма разрыдалась.

«В потоке слез, – вспоминала Анжелика, – она вылила передо мной все свое потрясение и разочарование, горечь от случаев несправедливости, свидетелем которых она стала и о которых слышала. Пятьсот казненных революционным правительством за один раз! Тайная полиция под стать старорежимной охранке! Подавление, преследование честных революционеров – все эти ненужные страдания и жестокость – разве для этого свершалась революция?»³⁷.

Анжелика пыталась объяснить неизбежность трагического в революции, произошедшей в отсталой стране, «хотела развеять сомнения, поселившиеся и в ее душе». Она обещала организовать встречу с Лениным, о которой просили Гольдман и Беркман. Эмма знала, что, несмотря на слабое здоровье и загруженность работой, Балабанова находила время помогать нуждающимся, раздавая свой паек и обходясь минимальным.

В Москве к Гольдман обращались люди разных политических взглядов: анархисты, левые эсеры, кооператоры и знакомые по Америке, вернувшиеся в Россию; все «были обескуражены, некоторые даже озлоблены», рассказывали одну и ту же историю о «чудесном духе, который вел народ вперед, о возможностях масс, о роли большевиков как выразителей самых крайних революционных лозунгов и их измене революции после захвата ими власти», о преследовании их товарищей, расстреле невинных людей. Они объясняли методы большевиков «непониманием характера и нужд русского народа, их безумной одержимостью диктатурой, которая есть даже не диктатура пролетариата, а диктатура небольшой группы

³⁶ Ibid. P. 26.

³⁷ Балабанова А. Указ. соч. С. 266.

над пролетариатом»³⁸. Когда она заговорила о народных Советах и выборах, ее собеседники улыбнулись: «Выборы! Таких вещей в России не бывает, если не называть выборами угрозы и террор. Только за счет этого большевики получают большинство. Несколько меньшевиков, эсеров или анархистов проскальзывают в Советы, но они не имеют ни тени шанса быть услышанным». Картина выглядела мрачной, но Эмма все еще «цеплялась за свою веру»³⁹.

На конференции московских анархистов в марте 1920 г. Гольдман узнала об участии анархистов в русской революции. В июльском восстании 1917 г. кронштадтских моряков возглавлял анархист Е. Ярчук, Учредительное собрание было разогнано анархистом Анатолием Железняковым; анархисты неизменно находились на переднем крае, воевали на всех фронтах. Анархист Нестор Махно, возглавивший крестьянскую повстанческую армию в Украине, – рассказали в Петрограде, – помог разбить Деникина и в критический момент спас Москву и революцию⁴⁰. Они фактически помогли большевикам взять власть, «делали важную работу в министерстве иностранных дел и во всех других департаментах. ...Пять месяцев спустя, в апреле 1918 г. использовалась артиллерия, чтобы разрушить Московский клуб анархистов и подавить их прессу. Анархисты стали первыми жертвами. С тех пор преследования анархистов никогда не прекращались»⁴¹.

Когда организаторы конференции попросили Беркмана и Гольдман подписать резолюцию с обращением к советскому правительству освободить заключенных анархистов и легализовать анархистскую образовательную деятельность, Эмма была крайне удивлена: анархисты должны просить, чтобы какое-либо правительство узаконило их инициативу? Но она «все еще верила, что советское правительство было, по крайней мере, до некоторой степени выразителем революции»⁴².

Современный исследователь анархизма, В.В. Дамье, отмечает активное участие анархистов и анархо-синдикалистов в русской революции (группы «Голос труда», «Новый голос труда», Российская

³⁸ Goldman E. My Disillusionment in Russia. P. 29–30.

³⁹ Ibid. P. 30.

⁴⁰ Гольдман Э. Проживая свою жизнь. Ч. 3. С. 116.

⁴¹ Goldman E. My Disillusionment in Russia. P. 31.

⁴² Ibid. P. 32.

конфедерация анархо-синдикалистов, Конфедерация «Набат» и т.д.). Анархисты поддержали Советы, которые они рассматривали не как государственный орган партийного представительства, а как инструмент беспартийной самоорганизации и самоуправления трудящихся на производстве и по месту жительства⁴³. Такого же взгляда на Советы придерживались Кропоткин, Волин, Гольдман и Беркман.

Балабанова попросила Ленина принять Гольдман и Беркмана, передав брошюру с их выступлениями, и вскоре получила ответ.

«Дорогой товарищ, – писал он, – я прочитал брошюру с огромным интересом (слово «огромный» он подчеркнул три раза). Не могли бы вы договориться с Э.Г. и А.Б. о встрече и привести их ко мне на следующей неделе? Я пришлю за вами машину»⁴⁴.

Они встретились в Кремле в начале марта 1920 г., Ленин похвалил их речи в суде: «Какая великолепная возможность пропаганды. Это означает, что стоит идти в тюрьму, раз суды могут так успешно быть превращены в форум». «Я чувствовала на себе, – пишет Гольдман, – его холодный пристальный взгляд, пронизывающий меня, как будто он размышлял над тем, как меня можно использовать»⁴⁵.

Она подняла тему анархистов в России и показала Ленину письмо, полученное ею от Мартенса, советского представителя в Америке, где он утверждал, что анархисты в России наслаждаются полной свободой слова и прессы. Здесь же узнали, что множество анархистов в тюрьме, а их пресса запрещена. «Анархистов? – воскликнул Ленин. – Чепуха! Кто рассказывает вам эти байки, и как вы можете в них верить? В тюрьмах у нас сидят не анархисты, а махновцы и всякие бандиты»⁴⁶. Беркман передал Ленину резолюцию конференции московских анархистов, тот обещал рассмотреть ее на ближайшем заседании ЦИК. Гольдман отказалась сотрудничать с советским правительством, пока ее товарищи находятся в тюрьме. «Но относительно свободы слова, – заметил Ленин, – это

⁴³ *Дамье*. 2001: 30.

⁴⁴ *Балабанова А.* Указ. соч. С. 267.

⁴⁵ *Goldman E.* My Disillusionment in Russia. P. 33.

⁴⁶ *Гольдман Э.* Проживая свою жизнь. Ч. 3. С. 153.

есть, конечно, буржуазное понятие. В революционный период не может быть никакой свободы слова»⁴⁷.

«Свобода слова, свобода прессы, духовные достижения столетий, что они значили для этого человека? – подумала Гольдман. – Пуританин, он был уверен, что лишь только его схема могла спасти Россию. Правы были те, кто служил его планам, остальных нельзя было терпеть. Хитрый азиат, этот Ленин. Он знает, как играть на слабых сторонах людей лестью, наградами, медалями. Я убедилась, что его подход к людям чисто утилитарный, для достижения своего плана он мог избавиться от них. Действительно ли революция была его планом?»⁴⁸.

Близкое мнение о Ленине сложилось у Беркмана:

«“Практичный идеалист”, стремящийся к осуществлению своей коммунистической мечты любыми средствами и подчиняющий ей все этические и гуманитарные соображения. Человек, искренне убежденный, что дурные методы могут служить благим целям и оправдываться ими. Иезуит революции, который заставит человечество стать свободным в соответствии с его интерпретацией Маркса. Короче, решительный революционер в духе Нечаева, тот, кто пожертвует большей частью человечества, если понадобится, чтобы обеспечить триумф социальной революции»⁴⁹.

Гольдман удивило, что многие большевики, даже Ленин, надеются на скорую революцию на Западе. Один из первых его вопросов был: «Когда можно ожидать социальную революцию в Америке?» Об этом часто спрашивали и раньше, но ей было странно слышать такой вопрос от Ленина. Ей казалось невероятным, что человек его информированности так мало знает об американских условиях. Ленин признался, что, хотя жил в Европе много лет, так и не научился говорить на иностранных языках, поэтому беседа шла на

⁴⁷ Goldman E. My Disillusionment in Russia. P. 33.

⁴⁸ Ibid. P. 34.

⁴⁹ Berkman A. The Bolshevik myth: (Diary 1920–1922). N.Y., 1925. P. 92.

русском языке. Большевики произвели на Эмму впечатление наивных людей

«в их оценке мира за пределами России. Действительно ли их представление было настолько ошибочным из-за того, что они так долго были отрезаны от Европы и Америки? Или эта большая потребность в помощи из Европы была порождением их желаний? Во всяком случае, они все цеплялись за идею приблизить революции в западных странах, забывая, что революции не делаются по заказу, и, очевидно, не осознавая, что их собственная революция была искажена по форме и внешнему виду и постепенно приближалась к смерти»⁵⁰.

После беседы с Лениным Гольдман пришла к мысли, что именно его цели

«составляют корень зла, ведущего Россию к гибели. Он хочет построить коммунистическое государство с абсолютным верховенством его партии и собственной исключительной властью, но даже если при этом будут уничтожены все завоевания революции, а миллионы людей будут обречены на смерть, и Россия потонет в крови своих лучших сынов и дочерей, это не приведет железного человека из Кремля в смятение. Для него это по-прежнему будет всего лишь "чепуха", "небольшое кровопускание", которое никак не отразится на окончательной победе. С точки зрения ясности взгляда, силы воли и неистощимой решительности Ленин вызывал уважение, но его участие в революции я полагала величайшей угрозой для нее, более губительной, чем вся интервенция, потому что его цели были призрачны, а методы лживы»⁵¹.

Гольдман и Беркман отказались сотрудничать с советским правительством и участвовать в работе государственных структур,

⁵⁰ *Goldman E. My Disillusionment in Russia. P. 49.*

⁵¹ *Гольдман Э. Проживая свою жизнь. Ч. 3. С. 172.*

решив помочь в создании музея русской революции в Петрограде, собирать для него материалы по всей стране.

Они дважды приезжали к П. Кропоткину в Дмитров. Эмма познакомилась с ним в Лондоне в 1895 г. во время своей первой поездки в Европу, затем виделась в Париже после Международного конгресса анархистов в Амстердаме в 1907 г., считала его своим учителем, основателем современного анархизма. Тогда Кропоткину было 65 лет, он был еще полон жизни и энергии, а теперь выглядел старым и изнуренным. Эмма хотела услышать его оценку политики большевиков. Она не делала записей беседы, пересказав только ее суть.

«Кропоткин утверждал, что революция вознесла людей к большим духовным высотам и проложила путь к глубоким социальным изменениям. Если бы людям позволили применить их освобожденную энергию, Россия не оказалась бы в нынешней ситуации разрухи. Большевики, которых вынесла на вершину революционная волна, увлекли народ чрезвычайными революционными лозунгами, завоевав доверие масс... С октябрьским периодом они начали подчинять интересы революции установлению своей диктатуры, подавив и парализовав всякую социальную активность. Он говорил, что кооперативы были главным посредником, который мог объединить интересы крестьян и рабочих, но они были разгромлены одни из первых. ...Подчеркнул, что большевики дискредитировали социализм и коммунизм в глазах русских людей»⁵².

«Почему Вы не подняли свой голос против этого зла, против этой машины, которая иссушает жизненную кровь революции?» – спросила Гольдман. «Возражать правительству бесполезно, – ответил Кропоткин. – Оно заботится только об удержании своей власти, не обращая внимания на такие "пустяки" как права человека или человеческие жизни. ...Мы всегда указывали на последствия марксизма на практике»⁵³.

⁵² Goldman E. My Disillusionment in Russia. P. 36.

⁵³ Ibid. P. 36.

Кропоткин бедствовал. Пайков хватало, чтобы не умереть с голоду, да и те перестали выдавать, когда Дмитровский рабкооп, как и другие, ликвидировали, арестовав почти всех его членов. Выручали огород и корова, иногда посылку с продуктами присылал с оказией Махно.

«Петр ничего не примет от большевиков, – сказала Софья, жена Кропоткина. – Недавно ...он отклонил предложение Госиздата продать за 250 тысяч рублей право на публикацию его сочинений. ”Если большевики экспроприировали труды других, – сказал он, – то пусть забирают и мои работы, только вот согласия своего я им не дам”. Он в жизни не вступал по доброй воле ни в какие взаимоотношения с властью, и сейчас не хотел иметь дела с теми, кто именем социализма попирает все революционные и моральные ценности»⁵⁴.

Кропоткин предвидел опасности марксизма и предупреждал о них в каждой своей работе. Но «никто не представлял, до каких размеров вырастет марксистская угроза. ...Большевики отравлены им (марксизмом. – *И.С.*) насквозь, их диктатура уже превзошла всемогущую инквизицию»⁵⁵. Он искренне обрадовался, узнав, что его гости отказались сотрудничать с большевиками, считая единственно возможным делом работу, полезную народным массам.

«Ленинская попытка опутать вас партийными тентами смехотворна, – заявил Кропоткин. – Это очередная иллюстрация того, чем хитрость отличается от мудрости: отрицать ленинское хитроумие невозможно, однако ни в его отношении к крестьянству, ни в оценке возможностей подкупа тех или иных людей нет подлинной рассудительности и прозорливости»⁵⁶.

Кропоткин не бездействовал, призывая в письмах к Ленину дать свободу инициативе масс, поддерживать, не разгонять кооперативы, не прибегать к насилию в отношении оппозиции, но ответа

⁵⁴ Гольдман Э. Проживая свою жизнь. Ч. 3. С. 157–158.

⁵⁵ Там же. С. 159.

⁵⁶ Там же. С. 160.

не получил. В 1918 г. после объявления «красного террора» он писал Ленину:

«Неужели не нашлось среди вас никого, чтобы напомнить, что такие меры – представляющие возврат к худшим временам средневековья и религиозных войн – недостойны людей, взявшихся созидать будущее общество на коммунистических началах. Даже короли и папы отказались от такого варварского способа самозащиты, как заложничество. Как же вы, проповедники новой жизни и строители новой общественности, можете прибегать к такому оружию для защиты от врагов? Не является ли это признаком, что вы считаете свой коммунистический опыт неудавшимся и вы спасаете уже не дорогое вам дело строительства новой жизни, а лишь самих себя?»⁵⁷.

Кропоткин убеждал поддерживать местное самоуправление:

«Нужно, необходимо местное строительство, местными силами, а его нет! Нет ни в чем! ...Без участия местных сил, без строительства снизу, – самих крестьян и рабочих – постройка новой жизни невозможна. ...Именно такое строительство снизу должны были бы выполнять Советы. Но Россия уже стала Советской республикой лишь по имени. Наплыв и верховодство людей «партии», т.е. преимущественно новорожденных коммунистов (идейные – больше в центрах) уже уничтожили влияние и постройтельную силу этого многообещавшего учреждения – Советов. Теперь правят в России не Советы, а партийные комитеты. И их строительство страдает недостатками чиновного строительства. Чтобы выйти из теперешней разрухи, Россия вынуждена обратиться к творчеству местных сил, которые, я вижу это, могут стать фактором для создания новой жизни»⁵⁸.

⁵⁷ Кропоткин. П. – Ленину В.И., 1918 [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_f/figner7vn.php (дата обращения – 10.02.2024)

⁵⁸ Кропоткин П. – Ленину В.И., 4 марта 1920 // Звезда. 1930. № 6. С. 187. (курсив автора)

Еще во время Первого Интернационала возник спор между Марксом и Бакуниным, который называл Маркса государственнымником и решительно отвергал концепцию диктатуры пролетариата, увидев в ней опасность авторитаризма. Марксисты говорят, – писал он, – что

«диктатура есть необходимое переходное средство для достижения полнейшего народного освобождения: анархия, или свобода, – цель, государство, или диктатура, – средство. Итак, для освобождения народных масс надо их сперва поработить. ... Никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечения себя, она способна породить и воспитать в народе... только рабство; свобода может быть создана только свободой, т. е. всенародным бунтом и вольною организацией рабочих масс снизу вверх»⁵⁹.

По мнению Бакунина, пролетариат, совершив революцию и овладев государством, «должен немедленно его разрушить, как вечную тюрьму народных масс; по теории же г. Маркса, народ не только не должен его разрушать, напротив, должен укрепить и усилить и в этом виде передать в полное распоряжение своих благодетелей, опекунов и учителей – начальников коммунистической партии...». «По воспитанию и по натуре, – считал Бакунин, – он (Маркс. – *И.С.*) якобинец, и его любимая мечта – политическая диктатура»⁶⁰.

Гольдман и Беркман тратили много сил на борьбу за освобождение людей из тюрем, прежде всего анархистов. Особенно упорно им пришлось отстаивать Всеволода Волина⁶¹, видного деятеля анархистского движения в России, руководившего вместе с П. Аршиновым культурно-просветительским отделом в повстанческой армии Нестора Махно. Волин и члены конфедерации «Набат» приехали к Махно летом 1919 г. после разгрома большевиками анархи-

⁵⁹ Бакунин М.А. Государственность и анархия. Борьба двух партий в Интернациональном обществе рабочих // М.А. Бакунин. Философия. Социология. Политика. М., «Правда», 1989. С. 484.

⁶⁰ Там же. С. 485, 487.

⁶¹ Волин – псевдоним Всеволода Михайловича Эйхенбаума (1882–1945).

стов; издавали журнал «Путь к свободе», продолживший закрытое издание «Набат», выпускали листовки, читали лекции в частях⁶².

В начале января 1920 г. Волина, еще не оправившегося от тифа, арестовали, Троцкий требовал его расстрела. Но Беркман добился перевода заключенного в Москву, в Бутырскую тюрьму. Позднее, по соглашению, заключенному между Красной Армией и повстанческой армией Махно, Волина освободили, правда, ненадолго. Побывав в Дмитрове у Кропоткина, Махно отправился в Харьков для подготовки разрешенного большевиками Всероссийского съезда анархистов, намеченного на конец года. Однако в конце ноября после разгрома Врангеля большевики нарушили соглашение с Махно, приказав атаковать Гуляй-поле, центр повстанческого движения, и арестовать анархистов в Харькове. Волин снова оказался в Бутырской тюрьме, затем Таганской, где провел более года. Когда в июле 1921 г. в Москве был созван международный съезд профсоюзов для создания Красного Профинтерна, иностранные делегаты узнали о преследовании анархистов, об их протестной голодовке в тюрьме и обратились с письмом к Ленину. Он согласился освободить небольшую группу анархистов, в том числе Волина, и депортировать их из России при условии: никогда не возвращаться на родину. В начале 1922 г. они уехали в Берлин, где им помогли немецкие единомышленники.

Участник революции 1905 г., один из основателей первого в России Совета рабочих депутатов в Петербурге, Волин во время реакции был арестован и приговорен к ссылке в Сибирь, но по дороге бежал за границу. Непримирымый враг большевиков, пронизательный политик, он в беседе с Львом Троцким весной 1917 г. заметил, что в случае прихода к власти «левых марксистов», те станут преследовать и, в конечном счете, расстреливать анархистов. Троцкий возмущенно опровергал его слова, ведь анархисты и марксисты – революционеры, союзники, и расходятся только в методах борьбы для достижения конечной цели – уничтожения государства, анархий, поэтому социалисты не станут применять силу против анархистов⁶³. Однако произошло именно так, как предсказал Волин.

⁶² *Avrich*. 1967: 215.

⁶³ *Дамье*. 2016:120.

После февральской революции, вернувшись в Россию из эмиграции, он отстаивал идею развития революции снизу, путем самоорганизации народных масс, без захвата государственной власти:

«Никому не следует овладевать государственной властью, – писал он. – *Не надо никакой власти.* Вместо ”власти” хозяином жизни должны стать объединенные трудовые организации рабочих и крестьян – организации, которые – с помощью тех же солдатских организаций – должны не ”власть захватывать”, а непосредственно перенять в свои руки землю и другие материалы и орудия труда и установить – повсюду на местах – новый порядок жизни»⁶⁴.

В конце 1917 г. Волин пророчески писал о политике победителей:

«Как только их власть утвердится и узаконится, большевики, будучи социалистами-государственниками, то есть людьми, верящими в централизованное и авторитарное руководство, начнут управлять жизнью страны и народа сверху». Советы, предсказывал он, превратятся в простые «орудия центрального правительства», и в России возникнет «авторитарный политический и государственный аппарат, который будет железным кулаком давить всякую оппозицию. “Вся власть Советам” превратится во “всю власть партийным вождям”»⁶⁵.

«Путь марксизма, – утверждал Волин, – неизбежно проходит через государство, политическую власть и политическую диктатуру. Путь анархизма проходит через самостоятельную организацию масс... Русская революция, с самого начала, пошла стихийно по анархическому пути»⁶⁶.

⁶⁴ Волин В. Неизвестная революция, 1917–1921. М., 2005. С. 186. (курсив автора)

⁶⁵ Цит. по: Avrich.1988: 128.

⁶⁶ Волин В. Ленин и Анархизм //«Голос труда», 1918, 29 января [Электронный ресурс]. URL: http://hrono.ru/biograf/bio_we/volin_vm.php

Большевики тоже обещали стране демократию и самоуправление. В обращении к делегатам I Конгресса Коминтерна в 1919 г. Ленин и Троцкий заявили:

«Не фальшивая, буржуазная демократия – эта лицемерная форма господства финансовой олигархии – с ее чисто-формальным равенством, а пролетарская демократия с возможностью реализации свободы для трудящихся масс; не парламентаризм, а самоуправление этих масс через их выборные органы; не капиталистическая бюрократия, а органы управления, созданные самими массами, при действительном участии этих масс в управлении страной и социалистическом строительстве»⁶⁷.

Однако уже после прихода большевиков к власти началось преследование не только политических оппонентов, но и профсоюзов, кооперативов, всех свободных ассоциаций, способствовавших развитию инициативы масс, чего добивались анархисты. По «Декрету о печати» 27 октября (9 ноября) 1917 г. закрылись все оппозиционные газеты.

В 1920 г. против преследования профсоюзов, отстаивавших свою независимость, выступила «рабочая оппозиция» (А.М. Коллонтай, А.Г. Шляпников). «Внутри самой российской партии, – пишет Балабанова, – первую организованную оппозицию политике как Ленина, так и Троцкого, возглавила женщина – Александра Коллонтай. ...К IX съезду партии, 1920 г., последние крупицы профсоюзной автономии и рабочего контроля в промышленности были уничтожены и заменены контролем комиссаров над профсоюзами и Советами рабочих. Коллонтай возглавила ...движение против бюрократического удушения профсоюзов и за демократические права рабочих. Так как даже в то время было невозможно публично критиковать Центральный комитет или высказывать неофициальное мнение перед рядовыми членами партии, она имела достаточно мужества тайно отпечатать брошюру для распространения среди делегатов партийного съезда. ...Я никогда не видела Ленина таким разъяренным, как в тот момент, когда на съезде ему вручили одну

⁶⁷ Троцкий Л. К Первому съезду Коммунистического Интернационала // Л. Троцкий. Сочинения. Т. 13. М. – Л., 1926. С. 34.

из этих брошюр. Несмотря на тот факт, что оппозиция внутри самой партии была еще легальной, Ленин, заняв место на трибуне, осудил Коллонтай как злейшего врага партии и как угрозу ее единству»⁶⁸.

На X съезде РКП(б) в марте 1921 г. была принята резолюция, написанная Лениным, которая осуждала «рабочую оппозицию» как «синдикалистский и анархистский уклон в партии», вызванный мелкобуржуазной стихией⁶⁹. Соппротивление профсоюзов было сломлено, Коллонтай оказалась в почетной ссылке – на дипломатической работе.

Гольдман с товарищами в поисках материалов для музея революции Петрограда отправилась по стране. Украина их удивила более зажиточной жизнью в сравнении с голодающими и замерзающими Петроградом и Москвой. Они узнали подробнее о деятельности Нестора Махно, в юности вступившего в борьбу с царским режимом и почти десять лет просидевшего в тюрьме, в каторжном отделении Бутырки, где он, малограмотный крестьянин, получил образование. Петр Аршинов познакомил Махно с основами анархизма, идеями Бакунина и Кропоткина, а позднее сам примкнул к армии повстанцев, написав первую историю махновского движения⁷⁰.

После февральской революции 1917 г. и освобождения Махно вернулся на родину, был избран председателем Совета крестьянских и солдатских депутатов в Гуляй-поле, возглавил местную анархистскую группу, называл себя «анархистом-коммунистом бакунинско-кропоткинско-го толка».

Летом 1918 г. Махно побывал в Москве, встретился с ведущими анархистами, пригласив Аршинова в Украину, ходил к Кропоткину, «дорогому нашему старику Петру Алексеевичу. ...Он принял меня нежно, как еще не принимал никто. И долго говорил со мною об украинских крестьянах...». Во время прощания сказал: «Вы должны помнить, дорогой товарищ, что наша борьба не знает сентиментальности. Самоотверженность, сила духа и воли на пути

⁶⁸ Балабанова А. Указ. соч. С. 264–265.

⁶⁹ О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии. Резолюция X съезда РКП(б), окт. 1921 // Партия и Коминтерн. О «старой» и «новой» оппозиции. Сб. резолюций и постановлений. М.; Л., 1926. С. 12.

⁷⁰ Аршинов П.А. История махновского движения. Берлин, 1923.

к намеченной цели преодолеют все». «Эти слова Петра Алексеевича, – писал Махно, – я всегда помнил и помню»⁷¹. На него сильное впечатление произвели моральные качества Кропоткина. В июне 1919 г., сообщает П. Аршинов, когда в центральной России ругали лидера украинских повстанцев, Кропоткин его поддержал, сказав: «Передайте от меня т-щу Махно, чтобы он берег себя, потому что таких людей, как он, в России немного»⁷².

Энергичный украинец встретился в Кремле с Лениным, который подробно расспрашивал о положении на Украине, даже вступил с ним в спор.

«Анархисты, – заметил Ленин, – всегда самоотверженны, идут на всякие жертвы, но близорукие фанатики, пропускают настоящее для отдаленного будущего... это и разделяет нас, коммунистов, с ними. ... Анархисты сильны мыслями о будущем; в настоящем же они беспочвенны, жалки исключительно потому, что они в силу своей бессодержательной фанатичности реально не имеют с этим будущим связи...».

Махно возразил: хотя он и полуграмотный крестьянин, но не согласен «с утверждением, будто анархисты не понимают "настоящего", реально не имеют с ним связи», анархисты-коммунисты на Украине уже доказали, что целиком связаны с «настоящим». Именно анархисты и эсеры, а не большевики, нанесли поражение националистам и немецко-австрийским оккупантам в Украине. «Возможно, что я ошибаюсь», – ответил Ленин⁷³. Он предложил помочь Махно нелегально вернуться на юг.

Во время гражданской войны Махно прославился как талантливый военачальник, его повстанческая армия успешно боролась с Деникиным, заключив в феврале 1919 г. с командованием Красной Армии военное соглашение о совместных действиях против белогвардейцев при сохранении своей внутренней автономии. После разгрома Деникина Махно отказался войти в состав Красной

⁷¹ Махно Н.И. Воспоминания. Под ред., с предисловием Волина. Париж, 1936. Репринт. б/м., 1991. Кн. 2–3. Кн. 2. Под ударами контрреволюции (апрель-июнь 1918 г.). С. 106-107.

⁷² Аршинов П.А. Указ. соч. С. 220.

⁷³ Махно Н.И. Указ. соч. Кн. 2. С. 131–133.

Армии и подчиниться ее командованию, за что советская власть объявила его врагом и бандитом, а повстанцев – контрреволюционерами. Узнав о приезде в Украину Гольдман и Беркмана, он пригласил их к себе, но те не могли подвергать своих коллег опасности за связь с врагом, разыскиваемым властью. Зато в Киеве встретились с женой Махно, приехавшей рассказать о его взглядах и деятельности, клевете большевиков, назвавших Махно погромщиком и врагом революции, которую он защищал⁷⁴.

С наступлением Врангеля советская власть снова договорилась с повстанческой армией Махно о совместной борьбе против белогвардейцев, его отряды сражались за освобождение Крыма, даже, как пишет Гольдман, его объявили главным героем победы, хотя недавно называли врангелевским пособником, назначив за его голову крупную награду. Но после победы над Врангелем большевики, нарушив соглашение, решили разгромить армию Махно и арестовать анархистов, поскольку их принципы самоуправления были несовместимы с диктатурой пролетариата. С небольшим отрядом Махно бежал в Румынию, перебравшись позднее во Францию.

Наблюдения Анжелики Балабановой, члена ЦК Итальянской социалистической партии, позднее и члена РКП(б), касались главным образом жизни советской партийной элиты. Она присутствовала при создании Коммунистического Интернационала в марте 1919 г. в Москве, оставившее у нее странное впечатление.

«Когда я смотрела в зал на делегатов и гостей, у меня было чувство, что что-то не так. Было что-то искусственное во всем этом собрании, что уничтожало тот дух, в котором оно созывалось. ...Большая часть тридцати пяти делегатов и пятнадцати гостей была тщательно отобрана российским Центральным комитетом из так называемых "коммунистических партий" тех малых "государств", которые раньше входили в состав Российской империи, таких как Эстония, Латвия, Литва, Украина и Финляндия; или это были военнопленные или иностранные радикалы, которые случайно оказались в это время в России. ...Единственным должным образом избранным кандидатом из Западной

⁷⁴ Гольдман Э. Проживая свою жизнь. Ч. 3. С. 229–230.

Европы был молодой немец по имени Эберляйн, который представлял союз "Спартак", возглавляемый Либкнехтом и Розой Люксембург»⁷⁵.

«Президиум, в центре которого сидел Ленин, а по обе стороны от него – Эберляйн и Платтен (швейцарский социалист. – *И.С.*), располагался на возвышении в конце комнаты. На стене позади них висело огромное красное знамя, на котором был написан лозунг: "Да здравствует Третий интернационал!" Это собрание было созвано, видимо, как предварительная конференция, и на первый день, когда стало очевидно, что она представляет собой собрание чуть ли не одних славянских партий, возникла оппозиция немедленному образованию нового интернационала. Именно Эберляйн, делегат из Германии, выразил самый решительный протест, когда русские предложили, чтобы это собрание стало первым съездом Третьего интернационала. Он заявил, что не станет связывать себя какой-либо доктриной, которая еще не получила одобрения членов его организации»⁷⁶.

Балабанова также отказалась поддержать создание Коминтерна, не имея полномочий от Итальянской социалистической партии. Несмотря на возражения, образование Коммунистического Интернационала все-таки состоялось; Балабанову без ее согласия избрали секретарем Исполкома Коминтерна, Г. Зиновьева – председателем Исполкома.

Она догадывалась о причинах своего избрания.

«В среде антивоенных, левых сил, расположения которых искал новый интернационал, мое имя ассоциировалось с Циммервальдским движением⁷⁷ и автори-

⁷⁵ Балабанова А. Указ. соч. С. 222–224.

⁷⁶ Там же. С. 224.

⁷⁷ Циммервальдское движение названо по первой международной антивоенной конференции социалистических партий в Циммервальде, Швейцария, в сентябре 1915 г., на которой возникло два течения: реформистское (пацифистское) и революционное (Циммервальдская левая группа) во главе с Лениным, выступившим за превращение империалистической войны в войну гражданскую, перерастание ее в социальную революцию и поражение собственного правительства. Впоследствии это привело к распаду Второго Интернационала. Циммервальдская левая стала основой Коминтерна, пацифисты образовали в 1921 г. так называемый «двухполовинный» (или Венский) Интернационал.

тетом Итальянской социалистической партии. Будучи активным руководителем европейского социалистического и рабочего движения на протяжении почти двадцати лет, я пользовалась доверием групп рабочего класса, которые все еще смотрели на большевиков и новый интернационал с некоторым подозрением. Я не хочу сказать, что полностью осознавала или даже подозревала, что меня будут использовать как "фасад" для руководства Коминтерна. Но я понимала, что мое назначение секретарем имело определенное политическое значение»⁷⁸.

Она попыталась возразить, но Ленин прервал ее. «Прищурился, как обычно, одним глазом, когда он хотел изъясниться категорично, он ответил: "Партийная дисциплина существует и для вас тоже, дорогой товарищ. Это решение Центрального комитета". Когда Ленин решал что-то, прежде чем Центральный комитет одобрит его решение, он обычно в такой манере предвещал его действие, чтобы избежать ненужной дискуссии. Я знала, что спорить бесполезно»⁷⁹. На вопрос, почему именно ее выбрали секретарем, В. Воровский, назначенный ее советником, ответил: «Из-за вашего авторитета на международной арене»⁸⁰.

Балабанова нарисовала весьма непривлекательный портрет Григория Зиновьева.

«После Муссолини, – пишет она, – которого я все-таки лучше и дольше знала, я считаю Зиновьева самым презренным человеком, с которым я когда-либо встречалась. ...Если бы существовал трибунал для вынесения судебного решения и определения наказания тем, кто нанес ущерб и обесчестил рабочее движение, кто уничтожил его дух, кто ответственен за моральное и иногда физическое исчезновение его самых лучших активистов, то Зиновьев и Сталин возглавили бы список осужденных»⁸¹.

⁷⁸ Балабанова А. Указ. соч. С. 228.

⁷⁹ Там же. С. 228.

⁸⁰ Там же. С. 230.

⁸¹ Там же. С. 231.

В Циммервальде, вспоминает Балабанова, она заметила, «что всякий раз, когда нужно было осуществить какой-нибудь нечестный фракционный маневр, подорвать чью-либо репутацию революционера, Ленин поручал выполнение такой задачи Зиновьеву. ... Когда я приехала в Россию, он начал мне льстить, использовать меня в интриганских мизансценах, которые он пытался создавать и которые я так сильно ненавидела. “Это тот самый товарищ, – обычно говорил он, представляя меня большому собранию людей в Петрограде или Москве, – которому мы так многим обязаны. Она и товарищ Серрати (один из лидеров Итальянской социалистической партии. – *И.С.*) внесли самый большой вклад в то, что итальянская партия заняла интернационалистическую позицию в годы войны и оказала поддержку нашей революции”. Теперь Ленин поставил этого мастера интриг и клеветы, для которого цель оправдывала любые средства, во главе организации, которая должна была очистить и сплотить революционные силы всего мира!»⁸²

Почему же Ленин до конца своей жизни поддерживал Зиновьева? Балабанова полагает, что «в его сотрудничестве с Зиновьевым, как и в своей общей стратегии, Ленин руководствовался тем, что считал высшими интересами революции. Он знал, что в лице Зиновьева у него есть надежное и послушное орудие, и он никогда и на минуту не сомневался в своем собственном умении управлять этим орудием для пользы революции. ... Ленин был больше озабочен тем, чтобы его решения были действенными, нежели способом, которым они выполнялись. ... Он не предвидел того, что случится с революцией, когда эти средства станут целью; он не смог понять, что его собственные знаменитые государственные интересы – “Пролетарское государство оправдывает любой компромисс, на который оно идет, при условии, что сохраняет власть” – станут служить щитом для несостоятельности или продажности тех, которые говорят от имени пролетарского государства»⁸³. Возможно, предполагает Балабанова, перед смертью Ленин стал догадываться об этом, написав «Письмо к съезду».

У нее постоянно возникали конфликты с Зиновьевым, который «привык лгать и ловчить». Она поняла, что заседания Исполкома были «всего лишь формальностью, а настоящая власть нахо-

⁸² Там же. С. 231–232.

⁸³ Там же. С. 232–233.

дится в руках тайного комитета партии». Если она хотела заниматься сплочением левых сил во всем мире с помощью пропаганды и товарищеской помощи, то Зиновьев и большевики предпочитали другие методы. «Зачем стараться завоевать лояльность или доверие какой-то партии или движения, когда легче разрушить его и создать на его руинах послушную секту, зависящую самим своим существованием от Коминтерна? Зачем обсуждать методы, честно противостоять разногласиям во мнениях, когда, имея за собой ресурсы всего государства, гораздо легче дискредитировать своих более грозных оппонентов, подкупить менее порядочных и более слабых?»⁸⁴

Представителями Коминтерна за границей назначались люди, с испорченной репутацией в рабочем движении. Эти эмиссары Москвы, пользуясь славой Октябрьской революции и огромными деньгами, привлекали таких же «корыстолюбцев», как они сами. «Произвольное создание новых партий и новых рабочих движений на протяжении 1919–1920 годов (особенно после создания Красного профсоюзного интернационала) имело под собой такие средства и возможности, которые может предоставить лишь власть правительственного аппарата. Дорогостоящие организации с многочисленным персоналом возникали за одну ночь. Интернационал стал бюрократическим аппаратом еще до того, как родилось настоящее коммунистическое движение»⁸⁵.

«Я узнала, что мое имя использовалось в документах и воззваниях, которые я никогда не видела. Эти документы исходили от Зиновьева и были, разумеется, одобрены Лениным. Когда я жаловалась на это, ответы Зиновьева были уклончивы. Исполком, дескать, принял это решение без соблюдения формальностей, они, разумеется, собирались посоветоваться со мной; как дисциплинированный член партии я должна принять эти решения и т. д. Это был тайный комитет партии, а не Исполком Коминтерна, который заседал без соблюдения формальностей и делал заявления от моего имени. Но я тогда все еще была далека от того, чтобы подозревать, что происходит: мое имя все еще было необходимо Коминтерну, но мое участие в обсуждениях его решений было помехой»⁸⁶.

⁸⁴ Там же. С. 233–234.

⁸⁵ Там же. С. 234–235.

⁸⁶ Там же. С. 235.

Когда Балабанова начала возражать Зиновьеву, он решил избавиться от нее, предложив поехать в Украину. «Зачем мне опять уезжать из Москвы? – спросила она. – Я секретарь Интернационала, и здесь наша штаб-квартира». Зиновьев настаивал, Ленин тоже посоветовал ехать. «Украина – самый важный пункт в нашей борьбе в настоящее время, – сказал он. – Почему мы должны держать всех наших лучших ораторов в Москве?»⁸⁷.

В 1920 г. ожидался визит в советскую Россию европейских делегаций, Балабанова должна была работать переводчицей, но Зиновьев сообщил о ее поездке в Туркестан, от чего она решительно отказалась. Джон Рид объяснил: «Они хотят избавиться от вас до приезда иностранных делегаций. Вы слишком много знаете». «Но они же не сомневаются в моей лояльности!» – воскликнула Анжелика. «Конечно, нет. Но они не сомневаются и в вашей честности. Ее-то они и боятся». Зиновьев заявил о нарушении партийной дисциплины, пригрозив отстранением от работы в Коминтерне, но Балабанова уже была к этому готова⁸⁸. Такое нарушение дисциплины, заметила она, в 30-е гг. кончилось бы тюремным заключением или чем-нибудь еще похуже. В 1920-ом советские вожди еще прислушивались к мнению рабочего класса за рубежом.

Спустя две недели после разговора к ней зашел Рид, спросив, почему она не на заседании Исполкома Коминтерна? Та ответила, что не знает о нем. «Эти трусы заседают в комиссариате Литвинова, чтобы вы не узнали, где они», – сказал он. Балабанова быстро собралась и пришла на заседание, Зиновьев побледнел, другие члены Исполкома были в замешательстве. После заседания она спросила Зиновьева, почему ей не сообщили о нем. «А мы думали, что Троцкий сказал вам. Исполком уже решил сместить вас с вашей должности из-за вашего отказа поехать в Туркестан», – ответил он, не поднимая глаз. Трусость Зиновьева неприятно поразила ее, он «не обладал даже мужеством посмотреть в лицо человеку или взять на себя ответственность». В знак поддержки Джон Рид послал ей автопортрет с надписью: «Лучшему революционеру, которого я знаю в России»⁸⁹.

⁸⁷ Там же. С. 235.

⁸⁸ Там же. С. 257.

⁸⁹ Там же. С. 257–258.

Балабанова, Рид, так же как Гольдман и Беркман, видели усиление бюрократизма в стране, подавление народной инициативы, льготы партийным лидерам, заискивание перед иностранцами, для которых устраивались обильные банкеты, когда население страны голодало. После одного из них для британской лейбористской делегации, Балабанова и Беркман, работавшие переводчиками, решили больше не участвовать в таких торжествах, тем более, что некоторые визитеры, подобно философу, математику и общественному деятелю Бертрону Расселу, понимали смысл происходящего спектакля. Рассел признался Беркману, что из-за постоянной слежки чувствует себя заключенным. Ему под разными предложениями не позволили встретиться с Кропоткиным, хотя он беседовал с Лениным, Троцким, Горьким.

Анжелика тепло вспоминает о Джоне Риде:

«Мне нужно было поговорить с ним несколько минут, чтобы понять, что это один из самых преданных и истинных революционеров, которых я когда-либо встречала. ...Я с удивлением обнаружила в американце глубокое понимание русской революции и любовь к русскому народу. Вероятно, было естественно, что как журналиста, поэта и революционера его должна была взволновать смелость самой русской революции. Но в восторженном отношении Рида к России было и поклонение ее вождям, как героям, и сочувствие ее целям. Он любил саму страну и великий народ, который сделал революцию возможной своими страданиями и стойкостью»⁹⁰.

Сначала она скептически отнеслась к его книге о революции, но затем изменила свое мнение.

«Как, думала я, может иностранец, имеющий всего лишь элементарные знания о России, написать достоверный рассказ о таком важном событии? После того как я прочитала несколько глав «Десяти дней, которые потрясли мир», я поняла, до какой степени интуиция и творческие способности Рида, его горячая лю-

⁹⁰ Балабанова А. Указ. соч. С. 185–186.

бовь к русскому народу способствовали его пониманию значения событий, происшедших в России. Эта книга была опубликована с предисловием, написанным Лениным, и на некоторое время стала в России учебником»⁹¹.

Однако в 1920 г. настроение и Рида, и Балабановой изменилось. «Именно Джон Рид выразил словами то, что я уже начала подозревать», – призналась она.

Речь шла о «...нашем общем разочаровании и растущем отчаянии». Рид много ездил по стране, «общался с крестьянами и шахтерами, делил с ними холод, голод и грязь жизни среднего жителя России. Одетый в длинную шубу и меховую шапку, он выглядел как типичный русский, приехавший с Кавказа. Не думаю, чтобы какой-либо иностранец, ...узнал столько об условиях жизни народа, сколько Джон Рид за весну и лето 1920 года. Он становился все более подавленным, видя страдания, дезорганизацию и неумение, которые были повсюду... Его раздражение и разочарование были направлены не на само правительство, а на растущее безразличие и цинизм бюрократии на всех уровнях. Он особенно расстраивался, когда видел, что его собственные усилия и усилия других друзей революции пропадают зря из-за равнодушия и некомпетентности. Будучи человеком, тонко чувствующим всякое неравенство и несправедливость, он из каждой своей поездки приезжал с историями, которые нам обоим рвали сердце. ...Он знал, что я тоже пребываю в таком же настроении. (Он просто думал вслух)»⁹².

Эти настроения усилил Второй конгресс Коминтерна (19 июля – 7 августа 1920 г.), более многочисленный в сравнении с первым, на него прибыли делегаты от социалистических партий Западной Европы и Америки, отсутствовавшие в 1919 г. Они ожидали ответов на вопросы об организации и тактике Коминтерна.

⁹¹ Там же. С. 186.

⁹² Там же. С. 255–256.

«Это был момент, – пишет Балабанова, – когда большевики могли бы создать мощное объединенное движение на основе взаимного согласия по основным принципам революции, внутреннего равенства и самоуважения».

Однако их ответы разрушили надежды на единство левого крыла, благожелательно относившегося к Москве.

«Стало очевидно, что большевики не хотят ничего этого, что в каждой стране их интересует лишь наличие военизированной организации, большевистской партии в миниатюре, которая управлялась бы из самой Москвы и зависела от нее. Любые организации – а к ним относились многие из лучших организаций в международном движении, – которые просили любого самоуправления, права приспособлять свою тактику к объективно сложившейся ситуации в своей собственной стране, которые возражали против автоматического исключения кого бы то ни было по приказу из Москвы или которые ставили под вопрос русские ”тезисы” по мировым проблемам, должны были быть осуждены как центристы или даже контрреволюционеры, негодные для членства в Коминтерне»⁹³.

Эти положения изложил Ленин в «21 условии» приема партий в Коммунистический Интернационал. Большевики видели цель мирового коммунистического движения в свержении капитализма и установлении диктатуры пролетариата, для чего хотели создать в каждой стране партии с централизованным управлением по своему образцу, которые подчинялись бы Коминтерну. Такие условия были неприемлемыми для части партий, включая итальянскую, и привели к их уходу.

На Второй конгресс Коминтерна были приглашены представители рабочих организаций, поскольку большевики намеревались создать Красный интернационал профсоюзов, чтобы в каждой стране профсоюз действовал под руководством компартии, входящей в Коминтерн. Рабочие представители (А. Пестанья, А. Сухи и Дж.

⁹³ Там же. С. 286–287.

Таннер) отвергли предложенные в проекте марксистские идеи большевиков о завоевании политической власти, установлении диктатуры пролетариата и подчинении профсоюзов компартиям. Испанский делегат Пестанья согласился подписать проект при условии исключения из него упоминания о диктатуре пролетариата и взятии политической власти, что большевики пообещали. Но обманули: текст был опубликован в прежней форме и с его подписью⁹⁴.

После конгресса немецкий синдикалист А. Сухи подверг резкой критике большевистские методы завоевания политической власти, централизм и диктаторский государственный социализм, заявив, что это урок, «как не следует действовать, если в собственной стране начинается революция»⁹⁵. Он отказался сотрудничать с Коминтерном. Независимость профсоюзов отстаивала американская организация «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ) и другие радикальные объединения европейского рабочего движения, резко выступившие против контроля над своими союзами со стороны коммунистической или какой-либо другой политической партии.

Несогласные с политикой Коминтерна создали в Берлине учредительный конгресс (25 декабря 1922 г. по 2 января 1923 г.), образовав анархо-синдикалистский Интернационал – «Международную Ассоциацию Трудящихся» (МАТ), в которую вошло около 2 млн членов. В состав Секретариата МАТ избраны Р. Роккер, А. Сухи и А. Шапиро. В документах конгресса осуждался большевистский «государственный социализм», подавивший революцию в России.

«Насильственно разрушив с железной последовательностью все институты, которые возникли из народной инициативы, как это было с Советами, кооперативами и т.д., чтобы подчинить массы новосозданному классу комиссародержавия, он парализовал творческую активность масс и создал новый деспотизм, удушивший любые свободные мысли и втиснувший всю духовную жизнь страны в тесные формы пустого партийного шаблона», – говорилось в воззвании "К трудо-

⁹⁴ Дамье. 2001: 34.

⁹⁵ Там же.

вому народу всех стран и языков”. – Так называемая «диктатура пролетариата – фиговый листок большевистской реакции оказалась в состоянии стабилизировать господство нового верхнего слоя над широкими массами народа и обречь на смерть революционеров всех других направлений, но была не способна повести экономическую и социальную жизнь страны по новому пути и осуществить действительно конструктивную работу в духе социализма».

«Для анархо-синдикалистов, – заметил позднее Р. Роккер, – большевики – это наследники «абсолютистского мышления в социализме», своего рода «социалистические» якобинцы, то есть, по существу, революционеры не социальные, а политические, не пролетарские, а буржуазные⁹⁶.

Джон Рид не поддержал идею подчинения профсоюзов политическим партиям, в знак протеста он вышел из состава Исполкома Коминтерна. Но Г. Зиновьев заставил его вернуться и признать свою ошибку⁹⁷.

У меня «было такое чувство, – пишет Балабанова, – что я участвую не просто в политической, но также и в личной трагедии, затрагивающей некоторых самых дорогих мне друзей. Джон Рид, который наблюдал за всем происходящим, явно разделял мои чувства. Для Рида ... трагедия состояла не столько в его неспособности эффективно защищаться от этих людей, сколько в понимании того, что он борется с *системой*, которая уже начала пожирать своих собственных детей. Его уход из Коминтерна символизировал его отчаяние»⁹⁸.

Рид выглядел нездоровым и подавленным, Балабановой показалось, что за последние несколько недель он постарел на десять лет.

Зиновьев настоял на его поездке в Баку на съезд народов Востока (1–8 сентября 1920 г.), Джон не хотел ехать, называя его «фарсом», но все-таки поехал. Возвратившись, «с горечью говорил о де-

⁹⁶ Дамье. 2001: 40–41.

⁹⁷ Klehr, Haynes, Anderson. 1998: 192–193.

⁹⁸ Балабанова А. Указ. соч. С. 287–288.

магии и показухе, которыми отличался съезд в Баку»⁹⁹. Вскоре он заболел тифом и просил Балабанову срочно прийти к нему в больницу, но она не успела, 17 октября 1920 г. Джон умер. Луиза Брайант, жена Рида, рассказала Анжелике «о впечатлениях Джона в России, о его разочаровании. Она была убеждена, что это разочарование лишило его той воли, которая могла бы спасти его жизнь»¹⁰⁰. Перед смертью, в бреду, сообщила она Эмме Гольдман, Рид повторял: «Попал в западню, попал в западню»¹⁰¹. Те же чувства испытывала и сама Эмма.

Другой тяжелой утратой для анархистки стала смерть П.А. Кропоткина. Узнав о его болезни, Эмма поехала в Дмитров, но из-за перебоев с транспортом задержалась. Кропоткин скончался 8 февраля 1921 г. в возрасте 78 лет. Гольдман и Беркман присутствовали на похоронах, Эмма выступила с речью о своем учителе.

После Второго конгресса Коминтерна Балабанова решила уехать из России и попросила Ленина выдать документ, удостоверяющий личность. Тот сделал вид, что не понял серьезности ее намерения. «Нет документа, удостоверяющего вашу личность? – сказал он. – Но кто же вас не знает?». Он намекнул на недавний случай; когда они выходили из Кремля, красноармеец кивком головы разрешил ей пройти, но остановил Ленина, спросив: «Ваши документы, товарищ. Я вас не знаю». «Но, если вы действительно хотите получить документ, удостоверяющий личность, – продолжил Ленин, – я с удовольствием выдам вам его». На врученном листке бумаги она прочитала: «Товарищ Анжелика Балабанова в течение многих лет была членом партии. Она одна из самых выдающихся активистов Коммунистического интернационала. Вл. Ленин»¹⁰².

Политика военного коммунизма, продрозверстка с насильственной конфискацией продовольствия у крестьян привели к перебоям с поставками продуктов в городах зимой 1921 гт.; в Петрограде снизили пайки рабочим, что в конце февраля вызвало забастовки. Рабочих поддержали моряки Кронштадта, в принятой ими резолюции 1 марта 1921 г. выдвигались не только экономические, но и политические требования: провести перевыборы Советов (лозунг

⁹⁹ Там же. С. 305.

¹⁰⁰ Там же. С. 306.

¹⁰¹ Гольдман Э. Проживая свою жизнь. Ч. 3. С. 255.

¹⁰² Балабанова А. Указ. соч. С. 296.

«Власть Советам, а не партиям!»), восстановить свободу слова, печати, собраний, освободить политзаключенных, ввести равный паек для всех трудящихся. Почувствовав накалявшуюся обстановку, Гольдман и Беркман обратились с письмом в Петроградский Совет, предостерегая от насилия и предлагая мирное решение вопросов путем переговоров, в которых готовы были участвовать. Но приехавший в Петроград председатель Реввоенсовета Л. Троцкий выдвинул ультиматум, потребовав от мятежных моряков немедленной и безоговорочной капитуляции. «Всем, поднявшим руку против социалистического Отечества, немедленно сложить оружие. Упорствующих обезоружить и передать в руки советских властей»¹⁰³. В Обращении Петроградского комитета обороны 4 марта 1921 г. говорилось: «Вы окружены со всех сторон. ... У Кронштадта нет хлеба, нет топлива. Если вы будете упорствовать, вас перестреляют, как куропаток. ... Сдавайтесь немедленно!»¹⁰⁴.

Советская власть жестоко подавила Кронштадтское выступление матросов, которых Троцкий раньше назвал «красой и гордостью революции». После этого Гольдман и Беркман окончательно убедились, что диктатура большевиков уничтожила русскую революцию, и приняли решение покинуть Россию.

О причине отъезда и эволюции собственного взгляда на события в этой «трагической и героической стране» Гольдман рассказала в предисловии к книге, написанной ею в Берлине, подведя итог своему двухлетнему пребыванию в советской России, наполненному надеждами и сомнениями.

«Я отчаянно боролась с разочарованием. ... Я не хотела и не могла сдаться. И тогда случился Кронштадт. ... Это окончательно привело к ужасному осознанию, что русской революции больше нет. Я видела перед собой большевистское государство, огромное, сокрушающее любое созидательное революционное усилие, подавляющее, унижающее и разлагающее всё. Не имея возможности и не желая стать винтиком в этой зловещей машине, а также осознавая, что я не

¹⁰³ Кронштадский мятеж. Сб. статей, воспоминаний и документов. Под ред. Н. Корнатовского. Л., 1931. С. 237; *Эврич*. 2007: 144.

¹⁰⁴ Кронштадский мятеж. С. 188–189.

смогу принести никакой практической пользы России и ее народу, я решила уехать из страны. Покинув ее, я решила рассказать честно, искренне, и как можно более объективно историю моего двухлетнего пребывания в России. ...В великом восстании большевики присвоили себе голос народа. Они использовали аграрную программу эсеров и промышленную тактику анархистов. Но как только прилив революционного энтузиазма вознес их на вершину власти, большевики отказались от этого маскарада. Именно тогда началось духовное отчуждение между большевиками и русской революцией. С каждым последующим днем промежуток становился более широким, их интересы все более расходились. Сегодня не будет преувеличением сказать, что большевики являются заклятыми врагами русской революции. ...Мое изменение разума и сердца было болезненным и трудным процессом, и мое окончательное решение высказаться продиктовано единственной причиной, чтобы люди повсюду научились различать большевиков и русскую революцию. ... Не осудив предательства русской революции, я стала бы причастной к этому предательству. ...Великие блага, принесенные российским людям большевизмом, существуют только на бумаге, нарисованной яркими красками для масс Европы и Америки эффективной большевистской пропагандой. ...Но в реальности российский народ ничего не получил от большевистского эксперимента. Я обнаружила революционную веру людей сломленной, дух солидарности сокрушенным, значение товарищества и взаимопомощи искаженным. ... Я ничего не смогла сделать для страдающей России, пока находилась в ней. Возможно, я смогу сделать что-то теперь, указав на уроки российского опыта»¹⁰⁵.

Не у всех наблюдателей осознание сути большевистского режима происходило столь тяжело и болезненно, как у Гольдман, Беркмана, Балабановой, Рида. Бакунин предвидел подобные по-

¹⁰⁵ *Goldman E. My Disillusionment in Russia. P. XI–XX.*

следствия еще в споре с Марксом, Кропоткин и Волин тоже понимали, куда приведет политика большевиков. Английскому философу Бертрону Расселу, убежденному социалисту, хватило месяца пребывания в стране, чтобы заключить о неудаче российского коммунистического эксперимента, о чем он написал в 1920 г. сразу после своей поездки. Вслед за Кропоткиным философ утверждал, что самоуправление – «единственный эффективный способ политического воспитания» – в России исчезло в ходе коммунистической революции. Рассел объяснил причины неудачи:

«Основной источник всей цепи зол лежит в большевистском мировоззрении: в его догматизме, ненависти и его вере, что человеческую природу можно полностью преобразовать с помощью насилия».

Он не видит возможности осуществления коммунистического идеала в России; предлагаемый большевиками метод перехода к коммунизму приведет лишь к хаосу, «рецидиву варварства и средневекового мракобесия». «Цель серьезного революционера, – полагает Рассел, – созидание более счастливого мира. ...Новый мир должен создаваться постепенно...»¹⁰⁶.

Эмма Гольдман и Александр Беркман уехали из России в декабре 1921 г. В Берлине создали комитет помощи арестованным в России анархистам; собранные Беркманом материалы были изданы в «Письмах из российских тюрем» (*Letters from Russian prisons*, 1925). Они публиковали книги и статьи, разоблачавшие советский режим, миф о советском социализме¹⁰⁷. Однако их не одобряли, а порой даже осуждали представители левых сил на Западе, прежде всего коммунисты, долго не желавшие расстаться с «большевистским мифом». По настоянию друзей, их финансовой поддержке (Пегги Гугенхайм, Теодора Драйзера, Генри Менкена)

¹⁰⁶ *Рассел Б.* Практика и теория большевизма. М., 1998. С. 108, 112–114.

¹⁰⁷ *Goldman E.* My Disillusionment in Russia. N.Y., 1923, 1925; Гольдман назвала свою книгу «Мои два года в России» (“My Two Years in Russia”), но издатель изменил название на “My Disillusionment in Russia”, не включив 12 последних глав и послесловие, поэтому появилось продолжение с тем же названием (“My Further Disillusionment in Russia”. N.Y., 1924). Во втором американском издании 1925 г. обе части опубликованы вместе; *Berkman A.* The Bolshevik myth: (Diary 1920–1922). N.Y., 1925; *Berkman A.* Now and After: The ABC of Communist Anarchism. N.Y., 1929 (Беркман А. Алфавит анархизма. М., 2022).

Гольдман на два года поселилась на юге Франции, в Сен-Тропе, где написала вторую книгу воспоминаний – «Проживая свою жизнь»¹⁰⁸. В 1934 г. ей был разрешен трехмесячный тур с лекциями по Соединенным Штатам. Гольдман и Беркман, как и Балабанова, продолжали участвовать в международном анархическом и социалистическом движении.

Анжелика Балабанова, покинув советскую Россию в 1922 г., в Италию возвратилась только после падения режима Муссолини. В 1924 г. ее исключили из ВКП(б) «за меньшевистский подход» и сотрудничество с «фашистской» газетой «Аванти», хотя она никогда не была связана с меньшевиками, а газету «Аванти» разгромили и подожгли фашисты¹⁰⁹. Во Франции она виделась с Беркманом, написав позднее о нем:

«Ни впечатления, полученные им в России, ни горечь его жизни в эмиграции ни на миг не поколебали его мужества и безграничной преданности своему идеалу. Вероятно, невозможность служить, как он хотел, и к чему был пригоден, – стране, которая олицетворяла его надежды, и была косвенной причиной его добровольной и безвременной кончины. Его смерть была так же смела, как и его жизнь»¹¹⁰.

Гольдман последние годы провела в Канаде, по ее желанию похоронена в США, в пригороде Чикаго, рядом с могилами анархистов, жертв событий на площади Хеймаркет, судьба которых определила ее жизнь и взгляды.

Эмма Гольдман восхищалась Верой Фигнер, «одной из самых величественных фигур среди первопроходцев революционного движения», добившись для нее у Луначарского академического пайка (та была слишком горда, чтобы просить). Фигнер 20 лет отсидела в Шлиссельбургской крепости, прожив до 90 лет и сохранив в старости красоту, вдохновлявшую поэтов, бодрость духа и живой ум. Она часто вспоминала «о героической эпохе "Народной воли"»,

¹⁰⁸ Goldman E. Living My Life. New York: Knopf, 1931 (Гольдман Э. Проживая свою жизнь. Ч. 1–3. М., 2015–2018.)

¹⁰⁹ Балабанова А. Указ. соч. С. 316.

¹¹⁰ Там же. С. 269–270. Беркман в 1936 г. покончил с собой после двух неудачных операций.

своих товарищах, их силе и бесстрашии. Вот кто был истинными предтечами анархизма, считала Вера: они полностью посвятили себя великой идее, неся ее в массы и совершенно не думая о себе, особенно Софья Перовская, главная богиня революционного пантеона»¹¹¹.

В 1925 г. Фигнер писала: «Вы спрашиваете, – что делать? Нужна революция. Да, снова революция. Но наша задача слишком грандиозна. Революция слишком необычна, и надо серьезно готовиться к ней. Что толку, если снова угнетённые сядут на место бывших властников? Они сами будут зверьми, даже, может быть, худшими. ... Нам надо сегодня же начать серьёзную и воспитательную работу над собой, звать к ней других... Когда человек поймёт в человеке, что он высокая индивидуальность, что он большая ценность, что он свободен так же, как и другой, тогда только станут обновлёнными наши взаимоотношения, только тогда совершится последняя светлая духовная революция и навсегда отпадут заржавленные цепи»¹¹².

Эмма Гольдман и Анжелика Балабанова рано поняли эту истину, избавившись сначала от домашнего угнетения в семье и став на всю жизнь проповедницами свободы. На могиле Гольдман начертаны слова английского писателя и священника Чарльза Колтона: «Свобода не снизойдёт к народу, народ должен сам дорасти до свободы».

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

Аршинов П.А. История махновского движения. Берлин, 1923.

Бакунин М.А. Государственность и анархия. Борьба двух партий в Интернациональном обществе рабочих // *М.А. Бакунин.* Философия. Социология. Политика. М., 1989.

¹¹¹ Гольдман Э. Проживая свою жизнь. Ч. 3. С. 303.

¹¹² Фигнер В.Н. «Рассвет», 11 апреля 1925, газета российских рабочих организаций США и Канады // Вера Николаевна Фигнер [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_f/figner7vn.php (дата обращения – 10.02.2024)

- Балабанова А.* Моя жизнь – борьба. Мемуары русской социалистки, 1897–1938. М., 2007.
- Волин В.* Неизвестная революция, 1917–1921. М., 2005.
- Волин В.* Ленин и Анархизм // *Голос труда*. 1918. 29 января [Электронный ресурс]. URL: http://hrono.ru/biograf/bio_we/volin_vm.php
- Гольдман Э.* Что такое анархизм // *Гольдман Э.* Анархизм. М., 1920.
- Гольдман Э.* Проживая свою жизнь. Ч. 1–3. М., 2015–2018.
- Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886). 2 тт. СПб., 1999.
- Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1988.
- Кропоткин П.* – Ленину В.И., 1918 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_f/figner7vn.php (дата обращения – 10.02.2024)
- Кропоткин П.* – Ленину В.И., 4 марта 1920 // *Звезда*. 1930. № 6. С. 186–187.
- Кронштадский мятеж*: сб. статей, воспоминаний и документов / Под ред. Н. Корнатовского. Л., 1931.
- Махно Н.И.* Воспоминания / Ред., предисл. В. Волина. П., 1936. Репринт: б.м., 1991. Кн. 2–3.
- О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии. Резолюция X съезда РКП(б), окт. 1921 // *Партия и Коминтерн*. О «старой» и «новой» оппозиции: сб. резолюций и постановлений. М.; Л., 1926.
- Перовская С.Л.* Письмо к матери, 22 марта 1881 [Электронный ресурс]. URL: <http://narodvol.narod.ru/Person/perovsk.htm> (дата обращения – 10.04.2024)
- Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1998.
- Савинков Б.* Воспоминания террориста // *Савинков Б.* Избранное. М., 1990.
- Троцкий Л.* К Первому съезду Коммунистического Интернационала // *Л. Троцкий*. Сочинения. Т. 13. М.; Л., 1926.
- Фигнер В.Н.* Последнее слово, 1884 // *Процесс 14-ти* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1800dok/1884fig14.html> (дата обращения – 10.03.2024)
- Фигнер В.Н.* «Рассвет», 11 апреля 1925, газета российских рабочих организаций США и Канады // *Вера Николаевна Фигнер* [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_f/figner7vn.php (дата обращения – 10.02.2024)
- Balabanoff A.* My Life as a Rebel. L., 1938.
- Berkman A.* The Bolshevik myth: Diary 1920–1922. N.Y., 1925.
- Goldman E.* Living My Life. N.Y., 1931.
- Goldman E.* My Disillusionment in Russia. L., 1925.
- Klehr H., Haynes J.E., Anderson K.M.* The Soviet World of American Communism. New Haven-L., 1998.

ЛИТЕРАТУРА

- Дамье В.В.* Анархо-синдикализм в XX веке. М., 2001.
- Дамье В.В.* Всеволод Волин: жизнь ради революции // *Анархизм – учение радиности*. М., 2016. С. 114–135.

Эврич П. Восстание в Кронштадте. М., 2007.

Avrich P. The Russian Anarchists. Princeton, N. J., 1967.

Avrich P. V.M. Eikhenbaum (Volin): The Man and His Book // *Avrich P.* Anarchist Portraits. Princeton. 1988.

Анжелика Балабанова

Эмма Гольдман

Джон Рид

Александр Беркман

ABSTRACTS

FRAUDSTERS, IMPOSTORS AND IMPOSTURE AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

A.B. Gerstein

IMPOSTURE AS A MARKER OF THE SOCIETY'S CONDITION

Keywords: impostors, false-rulers, deceivers, society, spiritual culture, everyday practices.

The phenomenon of imposture is considered in the article in the context of the specific state of societies where it appeared. The author pays close attention to the specifics of the perception of medieval impostors by different social groups, the ways of establishing and functioning of everyday and symbolic communication between the deceiver and his sympathisers, collective representations of justice, social order and its violations in different strata of society. The author identifies various forms of imposture — claiming belonging to another ethnicity, profession, or social class, creating fake genealogies, and using the label of impostor as a tool for defaming an opponent in polemical treatises. The goals of such deception could range from delegitimising the opponent to trying to increase one's social status or save one's own life. The author concludes that imposture is a peculiar reaction to a social crisis and simultaneously a way to bring society into balance and restore the 'proper' order of things.

I.A. Mirolyubov

GENEALOGICAL CONSTRUCTIONS OF EMPEROR CONSTANTINE THE GREAT AND THEIR PERCEPTION WITHIN HIS FAMILY

Keywords. Constantine the Great, Claudius Gothicus, Julian Apostate, Roman Emperors, Later Roman Empire, Prosopography of the Later Roman Empire, Roman aristocracy.

The House of Constantine the Great is one of the most significant imperial dynasties in the history of the Roman Empire. The history of this dynasty begins with the reign of Emperor Constantius Chlorus (reigned 293–305 AD), but his son Constantine in 310 AD announced that the ancestor of the family was Emperor Claudius Gothicus (reigned 268–270). Most modern researchers consider this genealogical construction a fiction. The study of the reasons that prompted Constantine to choose this "ancestor", as well as the means by which the emperor reinforced this genealogical scheme, comes to the fore.

The article deals with the reports of official sources (panegyrics, inscriptions and coins) about the relationship of the house of Constantine with Claudius Gothicus, as well as variants of the genealogical scheme proposed by ancient authors. Their diversity is due to the vagueness of official data: Claudius was presented in them as avus of Constantine, i.e. either his grandfather or ancestor in the general sense of the word. The article also pays attention to the perception of family tree by members of the Constantine's family (his brothers, sons and nephew Julian). Sources at your disposal allow us to assert that the members of the dynasty agreed with the version of kinship voiced by Constantine, but, like him, did not comment on the very degree of that kinship. In addition, Julian even tried to present himself as a more worthy descendant of Claudius Gothicus than his uncle.

S.I. Luchitskaya

«DO YOU CALL HIM A PROPHET? DO YOU CONSIDER HIM A MESSENGER OF GOD?». PETER THE VENERABLE ON THE CRITERIA FOR DISTINGUISHING A TRUE PROPHET FROM AN IMPOSTOR

Keywords: prophet of Islam, the 'Cluny' collection, Peter the Venerable.

The article examines a phenomenon typical of medieval spiritual and social life—the phenomenon of false prophets or self-proclaimed prophets. The focal point is the treatise of the Cluniac abbot Peter Venerable, where he clearly outlines the criteria for distinguishing a true prophet from a false one and endeavors to demonstrate that the founder of Islam, Muhammad, was a false prophet. The author of the article illustrates that the concepts of a prophet in Islam and Christianity are

significantly different and emphasizes that it is precisely a misunderstanding of these differences that led the church writer to his views on Islam.

L.B. Sukina

TSAR GOD CHOSEN AND NOT SELF-APPOINTED IN RUSSIA
1666
(THEME OF THE BLESSING OF THE KIND OF RIGHTEOUS
GOVERNERS IN THE “SPIRITUAL SWORD” OF LAZAR
BARANOVICH)

Keywords: Russian tsarist autocracy, House of Romanov, idea of a righteous sovereign, early printed book, theological and political concept.

The author explores the question of how the theme of God’s chosen king’s power was interpreted in the book “Spiritual Sword” of Lazar Baranovich in 1666. The idea of the choice of God of the supreme ruler and the protection of God of righteous sovereigns spread in the culture of the Christian world back in the Middle Ages. In Russia in the 1660s it was updated by a specific set of circumstances: church reform, expansion of the territory of the state through the annexation of new lands by military means, the absolutization of the power of Tsar Alexei Mikhailovich and the expectation of the End of the World. At the same time, the second sovereign of the House of Romanov was interested in additional arguments legitimizing his autocracy, as evidenced by the documents of the Secret Prikaz, concerning rumors about his “illegal” origin, and some details of the conflict between the Tsar and Patriarch Nikon. The article shows how Lazar Baranovich, with the help of scholastic theological and literary techniques, which includes, among other things, abundant quoting, creates a harmonious and convincing concept of the righteous family of the Russian sovereign, a dynasty that found itself at the pinnacle of power by the will of God. According to her, the sovereign Alexei Mikhailovich is not an impostor and an accidental minion of fate, but a God-chosen king, similar to the biblical David, Emperor Constantine the Great and other famous rulers of antiquity. By the right of the chosen of God one, the Russian Tsar wields both swords of power – secular and ecclesiastical.

E.D. Braun

AN IMPOSTOR OR A PRINCE AFTER ALL? PERKIN WARBECK IN BRITISH HISTORICAL MEMORY

Keywords: Perkin Warbeck, Impostors, Henry VII, Richard III, Princes in the Tower, British historiography.

In the XVI–XXI centuries, ideas about Perkin Warbeck made a full circle – from the perplexity of contemporaries, through the unconditional rejection of Tudor century, the first attempts to justify Warbeck of the XVII–XVIII centuries, sentimental novels and poems of the XIX century, scrupulous studies of the turn of the XX–XXI centuries, historians returned to the beginning. As well as contemporaries, they distrust the official, Tudor version of events and admit that the real prince, the rightful heir of the Yorks, was sent to the gallows.

The image of Warbeck turned out to be so contradictory because the choice between an "impostor" and a "prince" did not always depend on objective, scientific calculations. Often the decision was determined by an assessment of the Tudor rule and of the preceding period of the Wars of the Roses (especially the personality and reign of Richard III). There were also non-scientific factors. To find an extra-political explanation for Warbeck's success, even under the Tudors he was turned into an immensely charming handsome man, a victim of intrigues. Artists, poets and novelists were happy to exploit and develop this emotional component; as the historical distance lengthened, the image of Warbeck became more and more touching and sentimental.

O.I. Togoeva

IMAGINARY RICH AND FAKE BEGGARS: STREET SCAMMERS IN MEDIEVAL FRANCE

Keywords: The Middle Ages, France, the phenomenon of imposture, professional scammers, cross-dressing, royal legislation, judicial practice.

The article is devoted to the problem of imposture, which is considered in relation to the daily life of marginal strata of society in medieval France. The question is about professional scammers who

acted everywhere and posed as «decent people» for the purpose of personal gain. The main way of such transformations was the cross-dressing, and therefore the article analyzes a few, but vivid judicial cases that testify the use of someone else's (often stolen) clothes to build a new personality. The author notes that, despite the existence of specific criminal cases related to cross-dressing, i.e. stable judicial practice, there was no general royal legislation devoted to this problem in France till the end of the 15th century. Instead of it there were only private legal acts, the effect of which extended only to the population of Paris. This situation was explained, according to the author, by the limited possibilities of the royal justice, its precedent character, as well as the importance of the capital not only as the center of the country, but also as its largest city.

K.S. Khudin

SELF-PROCLAMATED PHYSICIANS & CHARLATANIC
PHYSICIANS: RECOGNITION OF THE PROFESSIONAL
COMMUNITY IN XVII CENTURY RUSSIA

Keywords: social history of medicine, Alltagsgeschichte, Early Modern history, Seventeenth century, Russia, Apothecary Chancery.

The article is devoted to the conflicts between the corporation of doctors of the Apothecary Chancery (Aptekarsky Prikaz) and representatives of other medical practices: private physicians, faith-healer, as well as the perception of such practices in the bureaucratic environment. The author considers bureaucratic mechanisms arising in the course of such conflicts, when the corporation defines a physician as an self-proclamated and, not considering him a part of its group, refuses to recognise his professional competences. At the same time, private practice itself is not a barrier to entry into the professional community, and being labelled an impostor, hence a charlatan, becomes a way of resolving intra- and inter-group conflicts. Such conflicts are different in each of the three examples with representatives of different social groups, but they equally illustrate the fact that a person who commits unconventional actions becomes an impostor in the eyes of the community.

O.V. Okuneva

SELF-APPOINTED FRENCHMEN AND “FRENCHMEN’S BROTHERS” IN 16TH CENTURY BRAZIL

Keywords: impostor, Brazil, 16th Century, allies, barter trade, captivity, Hans Staden, Giuseppe Adorno, Anthony Knivet.

The paper deals with the strategy that some Europeans chose in the 16th century Brazil while finding themselves in a hostile environment. Being captured by Indians and destined to death and following anthropophagy, a German soldier Hans Staden, a Genovese captain Giuseppe Adorno and an English adventurer Anthony Knivet decided to appoint themselves as Frenchmen (their captors regarded Frenchmen as friends and trade partners). The Indians’ reaction to the declarations of such “impostors” (including some “tests for identity”) reveals the way the Brazilian Indians considered one European nation as friend and ally rather than another.

A special attention is paid to the cross-verified elements in Staden’s, Adorno’s and Knivet’s stories. This cross-validation is mostly important for Staden’s testimony (most detailed of all): the German author describes his first unsuccessful attempts to save his life by assuming another identity as an act of faith and a miraculous escape, so it is essential to distinguish the facts from the metaphors.

The paper discusses the degree in which Staden, Adorno and Knivet can be considered as impostors. They did not seek to gain something beyond what they had, just to save their lives. So they are more “self-appointed” Frenchmen (in the sense of self-denomination) rather than persistent usurpers of someone else’s identity.

MEDIEVAL HISTORIOGRAPHY

A.D. Scheglov

DIARIUM VADSTENENSE AND VADSTENA ABBEY

Keywords: History of Sweden, Middle Ages, Catholic Church, monasteries, monastic orders, annals.

Diarium Vadstenense, the chronicle of Vadstena Abbey (the principal cloister of the Birgittine order) is one of the most interesting narrative sources of medieval Scandinavia. The present article focuses

on the types of entries, their aims and their data. I pay attention to individual cases, to data concerning the health and the diseases of the Birgittines, as well as their age and death. I demonstrate that life expectancy of the Birgittines was high enough. Special attention in my article is paid to the question of the character of Vadstena Abbey. Can we regard Vadstena Abbey as a mixed community of men and women, a so-called double cloister? Or should we treat it as two separate monasteries behind one fence? I demonstrate that Vadstena Abbey must be regarded as a single mixed congregation. The brethren and the sisters lived in proximity. Both communities were subject to Mother Superior. The economy was common. Both parts of the monastery interacted constantly. The usual definitions – brethren (*fratres*) and sisters (*sorores*) were of the same type. Both communities are frequently called the same name – a convent, and often the expression “both convents” is used. The level of integration of the two parts of Vadstena Abbey was high; the monastery mentioned must be regarded as a single institution.

PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

A.G. Avdeev

ANDREY SEMYONOVICH BEDOV: THE SERVICE CLASS MAN OF KASHIN, THE MOSCOW NOBLEMAN, THE GOVERNOR, THE MONK, THE BUILDER OF THE WALLS OF THE KALYAZIN MONASTERY

Keywords: history of Russia in the 17th century, Kashinsky district, Kashinsky nobility Bedovy, Troitskiy Makariev Kalyazin monastery, testament, contributions to monasteries, monastery building.

The paper analyzes the life's journey of the Kashin service class man Andrei Semenyovich Bedov. During the Time of Troubles, he consistently served False Dmitry II, after the latter's death he swore allegiance to Prince Vladislav, then, together with Prince Dmitry Timofeevich Trubetskoy, he joipapned the militia of Procopius Lyapunov. At the beginning of the reign of Mikhail Fedorovich, Andrei Bedov was engaged in the restoration of the Kashin estates and, with the help of a fictitious deal with the Archbishop of Tver Arseny Elassonsky, transferred one of the estate villages to a patrimony. In the 30s of the 17th century Andrei Bedov, having received the rank of Moscow

nobleman, served as a governor in Tver, participated in the Smolensk War, and later held administrative positions in Moscow. Andrei Bedov was closely associated with the Makaryev Kalyazin Monastery of St. Trinity, making generous contributions to it, and in 1641 he took monastic vows there with the name Abraham. As a cellarer at the monastery, he supervised the building of the walls around the monastery in 1644-1647 and made a large contribution to their construction. Andrei (Abraham) Bedov died on February 9, 1650, having distributed property, estates and patrimonies among close relatives, people from his circle, as well as monasteries and churches of Kashinsky district.

RUSSIAN HISTORY: QUO VADIS?

I.M. Souponitskaya

EVOLUTION OF DISILLUSIONMENT:

THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 WITH THE EYES OF TWO ÉMIGRÉS

Keywords: revolution, anarchism, the Bolsheviks, dictatorship, disillusionment.

The memoirs of two Russian émigrés, anarchist Emma Goldman and socialist Angelica Balabanoff, recently published in Russia, provide a perspective on the formation of Bolshevik power after the October coup that differs from the Soviet version of events, revealing little-known aspects of the 1917 revolution. Goldman, deported from the United States, highlighted the role of anarchists in revolutionary Russia, portraying them not as a chaotic force but as a socialist movement advocating an alternative to the dictatorship of the proletariat—namely, the development of self-government as called for by Mikhail Bakunin and Peter Kropotkin. Like other opponents of the Bolsheviks, the anarchists were ultimately suppressed.

Balabanoff, a member of the Italian Socialist Party and the RCP(b), and secretary of the Executive Committee of the Comintern, discussed the methods of party building, particularly the Bolsheviks' influence on the split within the international socialist movement.

Having arrived in Russia after the 1917 revolution to support the birth of a workers' and peasants' republic, both women were soon forced to leave, disillusioned by the policies of the Soviet state.

HISTORY OF THE EMOTIONS

K.A. Levinson

“I DO HAVE SOMEBODY TO HATE”: ANGER, RAGE AND HOW
(NOT) TO EXPRESS THEM IN THE MOSCOW STATE
UNIVERSITY MILIEU OF THE LATE 1930S AND EARLY 1940S.

Keywords: university history, history of emotions, history faculty, Moscow State University, history of Soviet academia.

The article draws on memoirs, questionnaires, letters and diaries of students of the Faculty of History at Lomonosov Moscow State University in the second half of the 1930s and the first half of the 1940s to examine the practices of expressing anger, rage and similar emotions in this milieu. Representations of such feelings are rare in the ego-documents examined, but still allow us to draw a tentative conclusion about the existence of norms that provided in hierarchical relations for greater freedom to express these feelings ‘top down’ or ‘horizontally’ than ‘bottom-up’. When an expression of anger or rage was felt by the authors to be undesirable, they resorted to three ways of legitimizing it: providing a justification, placing oneself in a morally stronger and more empowered position, or redirecting one’s anger to a legitimate object.

HISTORY OF THE EDUCATION

K.V. Sutorius

THE DISCIPLINE OF LOGIC BY SOPHRONY LIKHUJ AND THE
NEW SOURCES ON ITS HISTORY

Keywords: Sophronios Lychudes, teaching of Logic, Moscow Slavo-Greek-Latin academy, handwritten sources, scholastic.

The paper is devoted to a manuscript, which contains a course of Logic, taught in Moscow Slavo-Greek-Latin academy by Sophronios Lychudes at the beginning of the 1690s. The manuscript is housed in the Yaroslavl museum and is still little known to scholars. The paper describes the composition (parts) of the manuscript. It is stated that Logic in Greek, which is presented here, is an unknown copy of Sophronios' course so far. The manuscript is written by more than one hand, and relations of these to other handwritten witnesses related to Moscow academy are considered. The text of Logic from the Yaroslavl manuscript is compared to the text found in records known before in order to determine its place among other witnesses of this course. Both notes in the Yaroslavl manuscript and documents, which have become known recently, allow to reconsider the common dating of Sophronios' Logic. Features of codex put the question about how the instruction of Logic by Sophronios was established, and how his students worked on their notes, on the basis of which we discuss the course. Witnesses of bilingual (Latin/Greek) teaching of Logic are considered in connection with this question. It is argued that the Latin text of Sophronios' Dialectic, known in one codex, was not a translation from Greek.

REVIEWS

S.I. Luchitskaya

THE STORY OF THE SWAN KNIGHT IN THE EPIC OF THE CRUSADE CYCLE: EPIC POEM, FAIRY TALE, OR COURTLY ROMANCE?

Keywords: epic poems, Old French Crusade cycle, the legend of the Knight of the Swan

Review on *Les Enfants-Cygnés suivi de La Chanson du Chevalier au Cygne* (d'après le ms. Paris, BnF fr.1558). Edition bilingue. Texte établi, traduction, présentation par Claude Lachet. Paris: Honoré Champion, 2023. 795 p.

A.D. Scheglov

THE RUSSIAN TRANSLATIONS OF DANISH CHRONICLES

Keywords: review, history of Denmark, Danish annals and chronicles.

Review on **Datskie chroniki XII veka. Perevod s lat., dat., shved. i krit. apparat A.S. Dosaeva, I.B. Gubanova, O.A. Markelovoi, O.V. Kutareva i A.B. Rukavishnikova-Radonezhskogo** [Danish Chronicles of the 12th century. Translation from Latin, Danish and Swedish and the critical apparatus by A.S. Dosaev, I.B. Gubanov, O.A. Markelova, O.V. Kutarev and A.B. Rukavishnikov-Radonezhsky]. Moscow: Russkaya Panorama, 2022. 344 p.; **Datskie annaly XII–XIV vekov. Perevod s latinskogo, datskogo i kriticheskij apparat A.S. Dosaeva, I.B. Gubanova, O.A. Markelovoi i O.V. Kutareva** [Danish Annals from the 12th to the 14th century. Translation from Latin, Danish and Swedish and the critical apparatus by A.S. Dosaev, I.B. Gubanov, O.A. Markelova and O.V. Kutarev]. Saint Petersburg: DMITRY BULANIN, 2024. 368 p.

The review examines the Russian translations of Danish narrative monuments from the 12th to the 14th century – *Chronicon Roskildense*, *Chronicon Lethrense*, *Annales Lundenses* and other texts which serve as valuable sources on the history of medieval Denmark.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Герштейн Анна Борисовна – к.и.н., н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по истории репрезентации власти и символической коммуникации в Средние века, феномену монархического самозванчества в средневековой Европе.

Миролюбов Иван Андреевич – к.и.н., доцент кафедры истории РГАУ–МСХА имени К.А. Тимирязева, специалист в области идеологии императорской власти в Древнем Риме, истории Поздней Римской империи, истории дома Константина Великого.

Лучицкая Светлана Игоревна – д.и.н., в.н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по истории крестовых походов, истории рыцарства, христианских представлений об иноверцах, средневековой иконографии.

Сукина Людмила Борисовна – д.и.н., канд. культурологии, доцент; зав. кафедрой подготовки кадров высшей квалификации, профессор Института программных систем РАН, специалист в области российской культуры раннего Нового времени.

Браун Елена Давыдовна – к.и.н., доцент РАНХиГС, специалист по политической истории Англии позднего Средневековья и раннего Нового времени, средневековой английской историографии.

Тогоева Ольга Игоревна – д.и.н., г.н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист в области средневекового права и правосознания, средневековой символики, политической и религиозной истории Западной Европы.

Худин Кирилл Станиславович – к.и.н., м.н.с. Отдела специальных исторических дисциплин ИВИ РАН, ведущий сотрудник РГАДА. Специалист по российской истории XVII в.

Окунева Ольга Владимировна – к.и.н., доктор университета Париж-Сорбонна, с.н.с. Отдела новой и новейшей истории ИВИ РАН, специалист по истории европейской экспансии в Новый Свет XVI–XVII вв., раннеколониальной истории Бразилии, формированию образа Другого во Франции раннего Нового времени.

Щеглов Андрей Джолинародович – д.и.н., в.н.с. Отдела Западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН, специалист по истории Швеции в Средневековье.

Олариу Доминик – профессор, в разное время преподавал в университетах Дижона, Марбурга и Дюссельдорфа, специалист по истории искусства Средних веков и раннего Нового времени. Автор книг и статей по истории средневекового портрета и научного знания.

Бисаха Нэнси – профессор Вассарского колледжа (США), автор книг и статей о гуманизме и крестовых походах.

Авдеев Александр Григорьевич – д.и.н., профессор Историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, н.с. Университета Дмитрия Пожарского, специалист по отечественной эпиграфике Московской Руси и ранней Российской империи.

Супоницкая Ирина Марковна – д.и.н., в.н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по истории США XX в., советско-американским отношениям.

Левинсон Кирилл Алексеевич – кандидат исторических наук, доктор философии. Сфера научных интересов – социальная история науки и образования в Новое и Новейшее время.

Суториус Константин Владимирович – к.и.н., доцент Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, специалист по истории отечественного образования, педагогики Нового времени.

Ведюшкин Владимир Александрович – к.и.н., в.н.с. Отдела Западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН, специалист по истории Испании XV–XVII.

СОДЕРЖАНИЕ

МОШЕННИКИ, САМОЗВАНЦЫ И САМОЗВАНЧЕСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

<i>А.Б. Герштейн</i> САМОЗВАНЧЕСТВО КАК МАРКЕР СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВА	5
<i>И.А. Миролубов</i> ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО И ИХ ВОСПРИЯТИЕ ЧЛЕНАМИ ЕГО СЕМЬИ	17
<i>С.И. Лучицкая</i> «ПРОЗЫВАЕТЕ ЕГО ПРОРОКОМ, СЧИТАЕТЕ ЕГО ПОСЛАНЦЕМ БОГА?» ПЕТР ДОСТОПОЧТЕННЫЙ О КРИТЕРИЯХ ОТЛИЧИЯ ИСТИННОГО ПРОРОКА ОТ САМОЗВАНЦА	37
<i>Л.Б. Сукина</i> ЦАРЬ БОГОИЗБРАННЫЙ, А НЕ САМОЗВАННЫЙ В РОССИИ 1666 ГОДА (ТЕМА БЛАГОСЛОВЕНИЯ РОДА ПРАВЕДНЫХ ГОСУДАРЕЙ В «МЕЧЕ ДУХОВНОМ» ЛАЗАРЯ БАРАНОВИЧА)	53
<i>Е.Д. Браун</i> САМОЗВАНЕЦ ИЛИ ВСЁ-ТАКИ ПРИНЦ? ПЕРКИН УОРБЕК В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ АНГЛИЧАН	70
<i>О.И. Тогоева</i> МНИМЫЕ БОГАЧИ И ПОДДЕЛЬНЫЕ НИЩЕ: УЛИЧНЫЕ МОШЕННИКИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ	95
<i>К.А. Худин</i> ВРАЧИ-САМОЗВАНЦЫ И ВРАЧИ-ШАРЛАТАНЫ: ПРИЗНАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА В РОССИИ XVII ВЕКА	111

- О.В. Окунева*
САМОНАЗВАННЫЕ ФРАНЦУЗЫ И «БРАТЯ ФРАНЦУЗОВ»
В БРАЗИЛИИ XVI ВЕКА 129

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ИСТОРИОПИСАНИЕ

- А.Д. Щеглов*
ВАДСТЕНСКИЙ ДИАРИЙ И ВАДСТЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ 159

ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОРТРЕТА

- Д. Олариу*
ТЕЛО И ПОРТРЕТ В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.
ВЫСТАВЛЕНИЕ ТЕЛ УСОПШИХ, ПОСМЕРТНЫЕ
МАСКИ И МИМЕТИЧЕСКОЕ НАДГРОБНОЕ
ИЗОБРАЖЕНИЕ (*пер. С.И. Лучицкой*) 195

ДРУГАЯ ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

- Н. Бисаха*
ПАПА ПИЙ II И КРЕСТОВЫЙ ПОХОД
(*пер. С.И. Лучицкой*) 228

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

- А.Г. Авдеев*
АНДРЕЙ СЕМЁНОВИЧ БЕДОВ: КАШИНСКИЙ
СЛУЖИЛЫЙ ЧЕЛОВЕК, МОСКОВСКИЙ ДВОРЯНИН,
ВОЕВОДА, МОНАХ, СТРОИТЕЛЬ СТЕН
КАЛЯЗИНА МОНАСТЫРЯ 252

ИСТОРИЯ РОССИИ: QUO VADIS?

- И.М. Супоницкая*
ЭВОЛЮЦИЯ РАЗОЧАРОВАНИЯ: РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
1917 Г. ГЛАЗАМИ ДВУХ ЭМИГРАНТОК 285

ИСТОРИЯ ЭМОЦИЙ*К.А. Левинсон*

«А НЕНАВИДЕТЬ У МЕНЯ ЕСТЬ КОГО»:
ЗЛОСТЬ, ГНЕВ И ИХ (НЕ)ВЫРАЖЕНИЕ В МОСКОВСКОЙ
УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СРЕДЕ 30–40-Х ГОДОВ XX ВЕКА 334

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ*К.В. Суториус*

КУРС ЛОГИКИ СОФРОНИЯ ЛИХУДА И НОВЫЕ
ДОКУМЕНТЫ ПО ЕГО ИСТОРИИ 354

РЕЦЕНЗИИ*С.И. Лучицкая*

ЛЕГЕНДА О РЫЦАРЕ ЛЕБЕДЯ
(рец.: *Les Enfants-Cygnés suivi de La Chanson du
Chevalier au Cygne* (d'après le ms. Paris, BnF fr.1558).
Edition bilingue. Texte établi, traduction, présentation
par Claude Lachet. Paris: Honoré Champion, 2023. 795 p.) 386

А.Д. Щеглов

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ ДАТСКИХ ХРОНИК
(рец.: Датские хроники XII века / Перевод с лат., дат.,
швед. и крит. аппарат А.С. Досаева, И.Б. Губанова,
О.А. Маркеловой, О.В. Кутарева и
А.Б. Рукавишников-Радонежского.
М.: «Русская панорама», 2022. 344 с.;
Датские анналы XII–XIV веков / перевод с латинского,
датского и критический аппарат А.С. Досаева,
И.Б. Губанова, О.А. Маркеловой и О.В. Кутарева.
СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2024. 368 с.) 396

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Д.Э. Харитоновичу — 80 лет 401

IN MEMORIAM

А.Ф. Кофман (17.08.1954 – 16.05.2024)	404
ABSTRACTS	413
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	424
СОДЕРЖАНИЕ	426
CONTENTS	430

CONTENTS

FRAUDSTERS, IMPOSTORS AND IMPOSTURE AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

<i>A.B. Gerstein</i> IMPOSTURE AS A MARKER OF THE SOCIETY'S CONDITION	5
<i>I.A. Mirolyubov</i> GENEALOGICAL CONSTRUCTIONS OF EMPEROR CONSTANTINE THE GREAT AND THEIR PERCEPTION WITHIN HIS FAMILY	17
<i>S.I. Luchitskaya</i> «DO YOU CALL HIM A PROPHET? DO YOU CONSIDER HIM A MESSENGER OF GOD?» PETER THE VENERABLE ON THE CRITERIA FOR DISTINGUISHING A TRUE PROPHET FROM AN IMPOSTOR	37
<i>L.B. Sukina</i> TSAR GOD CHOSEN AND NOT SELF-APPOINTED IN RUSSIA 1666 (THEME OF THE BLESSING OF THE KIND OF RIGHTEOUS GOVERNERS IN THE “SPIRITUAL SWORD” OF LAZAR BARANOVICH)	53
<i>H.D. Braun</i> AN IMPOSTOR OR A PRINCE AFTER ALL? PERKIN WARBECK IN BRITISH HISTORICAL MEMORY	70
<i>O.I. Togoeva</i> IMAGINARY RICH AND FAKE BEGGARS: STREET SCAMMERS IN MEDIEVAL FRANCE	95
<i>K.S. Khudin</i> SELF-PROCLAMATED PHYSICIANS & CHARLATANIC PHYSICIANS: RECOGNITION OF THE PROFESSIONAL COMMUNITY IN XVII CENTURY RUSSIA	111

- O.V. Okuneva*
SELF-APPOINTED FRENCHMEN AND “FRENCHMEN’S
BROTHERS” IN 16TH CENTURY BRAZIL 129

MEDIEVAL HISTORIOGRAPHY

- A.D. Scheglov*
DIARIUM VADSTENENSE AND VADSTENA ABBEY 159

ON HISTORY OF MEDIEVAL PORTRAIT

- D. Olariu*
BODY AND PORTRAIT IN THE LATE MIDDLE AGES.
DEMONSTRATION OF THE BODIES OF DEAD, DEATH
MASKS AND MIMETIC FUNERAL IMAGE 195

THE OTHER HISTORY OF THE CRUSADES

- N. Bisaha*
POPE PIUS II AND THE CRUSADE 228

PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

- A.G. Avdeev*
ANDREY SEMYONOVICH BEDOV: THE SERVICE CLASS
MAN OF KASHIN, THE MOSCOW NOBLEMAN,
THE GOVERNOR, THE MONK, THE BUILDER OF THE
WALLS OF THE KALYAZIN MONASTERY 252

RUSSIAN HISTORY: QUO VADIS?

- I.M. Souponitskaya*
EVOLUTION OF DISILLUSIONMENT: THE RUSSIAN
REVOLUTION OF 1917 WITH THE EYES OF
TWO ÉMIGRÉS 285

HISTORY OF THE EMOTIONS*K.A. Levinson*

- I DO HAVE SOMEBODY TO HATE”: ANGER, RAGE AND
HOW (NOT) TO EXPRESS THEM IN THE MOSCOW
STATE UNIVERSITY MILIEU OF THE LATE 1930S AND
EARLY 1940S. 334

HISTORY OF THE EDUCATION*K.V. Sutorius*

- THE DISCIPLINE OF LOGIC BY SOPHRONY LIKHUD AND
THE NEW SOURCES ON ITS HISTORY 354

REVIEWS*S.I. Luchitskaya*

- THE STORY OF THE SWAN KNIGHT 386

A.D. Scheglov

- THE RUSSIAN TRANSLATIONS OF DANISH CHRONICLES 396

ANNIVERSARIES

- THE 80th ANNIVERSARY OF DMITRIY EDUARDOVICH
KHARITONOVICH 401

IN MEMORIAM

- A.F. KOFMAN (17.08.1954 – 16.05.2024) 404

- ABSTRACTS 413

- LIST OF OUR AUTHORS 426

- CONTENTS 430

Одиссей. Человек в истории

МОШЕННИКИ, САМОЗВАНЦЫ И
САМОЗВАНЧЕСТВО
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН
2024 №№1-2 (32-33)

Главный редактор
А.О. Чубарьян

Ответственный редактор
А.Б. Герштейн

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН

Научное издание

Подписано к печати 21.10.2024 г.

Печать офсетная. Гарнитура Таймс Нью Роман
Объём – 27 усл.-печ. л. Тираж — 500 экз. (Первый завод —
100 экз.)
Зак. №

Ленинский проспект, 32а